

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ПРОБУЖДЕНИЕ
СИЛЫ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров
Пробуждение силы

«Автор»

2009

Самаров С. В.

Пробуждение силы / С. В. Самаров — «Автор»,
2009 — (Спецназ ГРУ)

Восемь лет назад во время кавказской войны на подполковнике спецназа ГРУ Андрее Стромове была испытана психотронная установка, в результате чего он был сломлен как личность и полностью забыл свое прошлое. Так Андрей превратился в тихого московского дворника... Незатейливая жизнь труженика метлы текла своим чередом до тех пор, пока на него не напали пятеро отморожков. Сразу же дали о себе знать затаившиеся в подсознании навыки спецназовца, и Андрей стал самим собой, легко раскидав ошалевших от ужаса хулиганов. За офицером, к которому вернулись память и сила, начинается охота – проводившие жестокий эксперимент вовсе не намерены предавать дело огласке. Но годы забвения пошли на пользу дремавшему в Андрее инстинкту профессионального бойца. Теперь его голыми руками не возьмешь. Подполковник ГРУ намерен отомстить за все и вернуться в семью. И месть его будет страшна, но справедлива...

© Самаров С. В., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Сергей Самаров

Пробуждение силы

Глава 1

Один день снег валил так, что вперед на десять шагов ничего видно не было, другой – он начинал таять, и грязные брызги феерически летели из-под колес машин на тротуары, а потом вдруг подмораживало, и была гололедица. И так все время. Одна погода сменялась другой, чередуясь с завидным упорством. И не зима, и не осень, и не весна, и вообще, непонятно, какое время года. Хотя одно можно было сказать точно – что не лето. Календарь об этом говорил однозначно, ему следует верить.

Людей можно было встретить одетыми как угодно. Кто-то в лохматой шапке и в шубе брел, истекая потом, кто-то в легкой куртке и с непокрытой заснеженной головой спешил добраться до метро. И никого удивить разносезонной одеждой было невозможно, потому что никто не мог предугадать утром, какая погода будет вечером. Синоптики привычно ввали, но люди на их прогнозы и не надеялись. Они за своими заботами, бытовыми, финансовыми и прочими, вообще не знали, на что можно надеяться...

На одной из тихих московских улиц человек в оранжевом «сигнальном» жилете дворника спокойно подметал тротуар, мужчина был погружен в какие-то свои мысли и блаженно улыбался. Метла в его руках совершала неторопливые равномерные движения, аккуратно собирая к краю тротуара талую снежную грязь. И синхронно движениям метлы у человека шевелилась узкая седая бородка клинышком. Шла обычная дворничья работа.

Работал мужчина со старанием, выглядел он вроде бы вполне нормально, если бы не его блуждающая полуулыбка, которая казалась странной...

* * *

– Этот, что ли?

– Он самый, козел...

– Не молод ведь. Что ему дома не сидится? Таджики?

– Может, таджик, может, узбек... Кто их, козлов, разберет... Им всем там у себя не сидится. Это раньше, мне отец рассказывал, ездил он в Душанбе... Еще молодым был... Только и слышно было: «Иды на свой Рассий...» Гнали наших... Теперь лезут, заразы черные... Да еще каждый с собой наркоту тащит. Семью, говорит, кормить нечем, дайте ему пару миллиончиков...

– Скоро и отсюда нас гнать будут, здесь свои порядки начнут устанавливать...

– Уже устанавливают. Не эти, так другие... Козлы...

Пятеро парней студенческого возраста взяли в киоске по бутылке пива. Пиво оказалось теплым и старым. Но, как говорится, по сырой погоде... Пили неторопливо, наблюдая, как дворник с метлой приближается к ним. А он приближался не спеша, но неуклонно.

– Пора его домой отправлять...

– Всех их – пора...

Пустая бутылка, в которой только пена осталась, полетела на асфальт почти под метлу. Но не разбилась. Дворник остановился будто в задумчивости, замерла в его руках и метла. Затем деревянный черенок перешел из двух рук в одну. Сам дворник в «сигнальном» жилете, не поднимая глаз на парней, наклонился, чтобы поднять бутылку.

Три шага – расстояние небольшое. Один из парней преодолел это расстояние единым широким скачком и с круговым замахом пустой бутылкой нанес дворнику удар в затылок. Но дворник слегка шатнулся в сторону, бутылка прошла мимо и с силой врезалась в мокрый асфальт. Осколки стекла и пивной пены полетели в разные стороны, а сам бьющий слишком поздно сообразил, что дворник, наклоняясь, наклонял и черенок метлы, и парень напоролся на жесткий закругленный конец палки точно солнечным сплетением. И сама метла отчего-то слегка подалась ему навстречу. Он уже падал, сразу потеряв сознание, когда второй, тот, что первым бросил бутылку и остался, таким образом, безоружным, время решил не терять и, вспомнив футбольное детство, нанес удар склоненному дворнику ногой в лицо. Но тоже или слишком скользко было, и потому трудно было ударить прицельно, или еще что-то сказалось, но ботинок с рифленой подошвой прошел мимо головы, а нога застряла у дворника, сделавшего полшага вперед, под мышкой. А вслед за этим и сам дворник как-то испуганно выпрямился, не отпуская ногу, и бьющий, смешно взмахнув руками, словно курица крыльями, упал затылком на асфальт, да еще нечаянно на осколок бутылки угодил. И сразу брызнула кровь, вид которой подействовал на троих стоявших в стороне парней, как красный плащ матадора действует на быка. Они дружно, как в танце, топнули выставленной вперед ногой и развели руки, изображая нечто вроде боевой позы. Передний заодно и нож выхватил. Нож, видимо, был заранее припасен, потому что такие длинные ножи обычно в ножнах носят, а таковых не оказалось. Парень, как опытный фехтовальщик, шагнул вперед, выставляя перед собой оружие.

Где-то неподалеку закричала женщина:

– Милиция! Милиция!..

Но милиция обычно приезжает после «Скорой помощи» к трупам, чтобы зафиксировать смерть. И помочь дворнику было некому. Но он, кажется, о помощи со стороны и не думал. Нападавшие не ожидали, что человек с седенькой бородкой окажется таким резвым и независимым. Обычно один, да еще инородец, когда его бьют, старается только закрыться руками и не думает о сопротивлении или убегает, получая при этом еще несколько ударов в спину и в затылок. Парни проверяли это многократно. Тем более, если в деле на свет появлялся нож, они по опыту знали, что спасти могут только ноги. Сейчас же все пошло наперекосяк. Дворник вдруг поднял метлу, ударил ею в лицо, прямо в глаза парню с ножом, и тут же метлу перевернул, нанося следующий молниеносный удар, черенком, сбоку в челюсть. Нож полетел в одну сторону, парень в другую.

– Ну ты, козел, попал... – сказал один из двух оставшихся.

– Теперь тебе, папаша, точно крышка... – добавил второй с мудрой категоричностью.

Дворник вдруг сам топнул ногой, словно собрался броситься вперед, и парни, резко развернувшись, скользя разбегающимися в сторону ногами, бросились бежать...

А тут и милиция приехала. Даже сразу с двух сторон и на двух машинах. Милиционеры на второй машине успели и убегающих перехватить. Должно быть, кто-то из жильцов дома, возле которого происходило дело, наблюдая драку из окна, позвонил «02»...

* * *

Дверь хлопнула. «Скорая помощь», закончив перевязку пострадавших, уехала.

– Так-так... Солимов Абдулло Нурович... – сказал старший лейтенант, дежурный по отделению милиции. – Так вы москвич, выходит...

– Москвич... – спокойно подтвердил с легким восточным акцентом дворник и безмятежно посмотрел в наставленную на него камеру оператора телевизионного криминального канала.

– Где вы так драться научились? – спросил телевизионный журналист, чуть ли не толкая в рот дворнику микрофон. – Вы служили в частях спецназначения?

– Я не умею драться... – слабо возразил Абдулло Нурович. – Просто так получилось... Я только метлой защитился...

– А вот свидетель говорит, что вы дрались, как настоящий спецназовец. Свидетель в этом толк знает, он сам отставной офицер спецназа внутренних войск, – сказал старший лейтенант милиции. – Вы вообще в каких частях служили?

– Я в армии не служил. Меня не взяли. Я на учете в психдиспансере с детства состою... Я в кино видел, как дерутся... Здорово...

– А что с вами? Диагноз какой?

– Деменция¹...

– Это что за штука, с чем ее едят? – Старший лейтенант таких слов не слышал даже в свой адрес и потому переспросил.

– Ее не едят... Это болезнь такая... Ты должен знать, у нас заведующий отделением говорил, что все менты ею хворают...

– Я не хворый... А в психдиспансере дураки лежат...

– Вот-вот... Я слабоумный...

Милиционер с тележурналистом переглянулись. Внешний вид мужчины полностью совпадал с диагнозом. В это время на столе дежурного зазвонил один из телефонных аппаратов. Старший лейтенант торопливо схватил трубку:

– Слушаю, товарищ подполковник... Да... В «обезьяннике» сидят... Так... Так... Понял, товарищ подполковник... Да, тут телевидение снимало... Ага... Понял... Обязательно пошлю... Сейчас что-нибудь придумаем...

Положив трубку, старший лейтенант в самом деле задумался настолько глубоко, насколько позволяли его умственные способности. Потом повернулся к свидетелям: пожилому отставному офицеру спецназа внутренних войск, который и вызвал милицию, и женщине из прохожих, которая наблюдала инцидент от начала до конца.

– Вы можете быть свободны. Если понадобится, мы вас вызовем...

А когда за свидетелями закрылась дверь, старший лейтенант недовольно посмотрел на телевизионщиков.

– Чего стоите? У вас что, собственной службы информации нет?

– А что? – спросил журналист.

– Гоните к метро... Нападение на салон сотовой связи. Забрали выручку, ранили продавщицу... Дежурная машина сейчас там...

Журналисты бегом покинули дежурную часть...

Абдулло Нурович Солимов все так же стоял, опершись на метлу, перед стойкой дежурного. И взгляд его, устремленный в угол, был безмятежен и ясен, как взгляд малолетнего ребенка.

– И что мне с тобой делать? – спросил старший лейтенант с каким-то даже сочувствием. – Получается, что ты напал на мальчишек, изуродовал их и теперь прикрываешься справкой из психдиспансера? Вот хлопот на мою голову...

– Я не нападаю... – сказал дворник спокойно. – На меня напали...

Он еще, кажется, не понял, что ситуация переменялась кардинально только по одному телефонному звонку.

– А у нас вот новые свидетели есть, которые говорят, что ты напал. И нашел, тоже мне, на кого нападать... У одного из этих парней папочка в мэрии большая шишка... Соображать надо, Абдулло Нурович. С такими людьми следует жить в мире... Хорошо еще, если справка тебя прикроет... А если не прикроет... Если пострадавшие напишут заяву... Тогда твое дело хреново...

---

¹ Деменция – слабоумие.

Входная дверь распахнулась, и в нее ворвался крупный человек в дубленке нараспашку. Махнул перед дежурным каким-то красным удостоверением.

– Этот, что ли? – спросил он старшего лейтенанта.

Тот, не успев ничего прочитать в удостоверении, уже понял, кто перед ним, и встал.

– Он самый...

Человек в распахнутой дубленке замахнулся кулаком, но бить не стал. Дворник, однако, на замах отреагировал только безмятежной улыбкой.

– У-у-у... Что же они, впятером со стариком не справились? Придурки... Что у него с документами? Разрешение на работу, регистрация – в порядке? Будут, значит, не в порядке...

– Он коренной москвич... Слабоумный... Состоит на учете в психдиспансере... – объяснил старший лейтенант.

Пришедший брезгливо поморщился, но слегка расслабился.

– Час от часу не легче... Мальчишки где?

– В «обезьяннике». Поднимитесь к начальнику отделения. Я сейчас их выпущу...

Крупный человек в распахнутой дубленке торопливо прошел к лестнице и стал подниматься, шагая через две ступени.

– И что мне с тобой делать? – спросил старший лейтенант у пострадавшего.

– Отпускай, а... – попросил дворник. – Мне работать надо. А то скользко, люди ругаться будут... Погода плохая, сам видишь...

– Ладно, иди пока... Если что, мы к тебе сегодня вечером заглянем. Дома будешь?

– Дома. Я вечером телевизор смотрю. Сериал хороший. Пропускать нельзя...

Старший лейтенант только хотел сказать, что все современные сериалы показывают исключительно для слабоумных, но вовремя вспомнил, что перед ним стоит настоящий слабоумный, для которого сериал как раз и предназначается, но не вспомнил, что сам смотрит каждый день один из таких же сериалов. Даже в рабочем кабинете...

– Дуй, дед...

* * *

Едва пробившись через привычные каждому московскому автомобилисту пробки, мощный «БМВ Х5» выехал с шоссе на дорогу, ведущую в пригородный элитный поселок.

– Я этого идиота на всю оставшуюся жизнь в психушку закрою... – почесав горло около воротника рубашки так, словно задышался, сердито сказал сидящий на переднем пассажирском сиденье крупный человек в распахнутой дубленке. Он вообще всегда, похоже, старался выглядеть грозно и очень себя за это ценил. – И санитаров попрошу, чтобы его там совсем «урыли»...

Его сын, успевший вовремя убежать от дворника, ежился на просторном заднем сиденье так, словно ему было холодно. Видимо, потому, что от отца так же вовремя убежать не удалось, и это вызывало в теле легкий озноб.

– Да вы, Михал Михалыч, только попросите... – сказал водитель-охранник уважительно, но все же с уверенностью в собственных возможностях. – Все без вашего вмешательства сделаем. И никакой ментовки тут не нужно...

– И попрошу... – согласился Михаил Михайлович. – Сначала попрошу, потом устрою его в больничный карцер на всю оставшуюся жизнь. Есть же, наверное, в их больницах карцеры? Если нет, попрошу построить... И еще тебя попрошу, чтобы и этого козла, – он кивнул в сторону заднего сиденья, – приструнили, и дружков его перевязанных... Чтобы всю жизнь только на бинты работали и отцам не мешали делами заниматься... Всем им рыла «заклепать»...

Дорога пошла по улице, с двух сторон огороженной высокими заборами из шлифованного желтого кирпича. Через два поворота машина высветила фарами прилегающий к такому

же кирпичному забору гараж с секционными автоматическими воротами. Михаил Михайлович порылся в кармане, вытащил связку ключей с брелком и нажал на кнопку пульта дистанционного управления. Широкие секции ворот поползли кверху, открывая проезд в просторный гараж на две машины. Но «БМВ» не успел тронуться с места, как откуда-то из темноты гаража внезапно выступили в свет фар три фигуры людей в масках «ночь» и с поднятыми в боевое положение странными для непосвященного автоматами с глушителями. Очереди раздались сразу. Каждый из троих имел конкретную цель и не пытался расстреливать всех пассажиров. Патронов не жалели. Все было кончено в считанные секунды, и проверка обошлась без «контрольных выстрелов», потому что и так было ясно, что все мертвы.

Со стороны уже слышался звук подъезжающей машины. Скрипнули тормоза. Трое убийц быстро заскочили в простенькую «жучку», и машина через секунду скрылась за поворотом. И только через пару минут, сообразив, откуда был слышен непонятный шум, вышел за дворные ворота охранник. Сообразив, что произошло, он сразу бросился в свою кирпичную сторожку и нажал «тревожную кнопку»...

* * *

Расстрел машины большого московского чиновника занял чуть ли не основную часть времени выпуска криминальных новостей. Телевидение успело вовремя и сняло расстрелянную машину до того, как милиция оцепила район и никого к машине, как и к дому, уже не подпускала. Но один из милицейских высоких чинов, лично прибыв на место происшествия, не упустил случая дать себе бесплатную рекламу и ввел журналистов и телезрителей в курс дела. Убийц было трое. Действовали они профессионально. Проникли в дом, каким-то образом миновав поле зрения камер наружного наблюдения. Оглушив и связав охранника, убийцы блокировали главный компьютер охраны, который вел записи со всех камер. При этом внешняя охрана ничего подозрительного не заметила и не услышала. В гараж преступники проникли через внутреннюю дверь, дождались, когда откроются ворота, расстреляли хозяина дома, его сына и водителя-охранника и уехали с места преступления на старой автомашине марки «Жигули». Момент отъезда сумела частично захватить камера наблюдения соседнего дома, однако расстояние было слишком велико, чтобы по этой записи можно было идентифицировать преступников. Расстрел производился, предположительно, бронебойными пулями из пистолетов-пулеметов «ПП-2000», снабженных глушителями, оружия пока редкого, только начинающего поступать на вооружение спецподразделений МВД. И это, возможно, позволит найти реальный след убийц. Марку оружия подтверждает та же видеозапись.

– Опять, как в девяностые годы, началось... – сказала устроившаяся в большом кресле перед телевизором молодая женщина, покачивая сидящего на колене ребенка. – И все сразу с экрана выкладывают, чтобы бандиты своих исполнителей перестреляли, и тогда никакого следа уже не останется... Кошмар...

– А так всегда бывает... – отозвалась с кухни, судя по голосу, женщина постарше. – Как только какие-то трудности в стране, сразу весь криминал из нор лезет... Да выключи ты этот ящик... Смотреть противно... И без того кошки на душе скребут...

– Мама! Мама! – вдруг закричала молодая женщина, и тут же заплакал ребенок, испугавшийся крика своей матери, но она на ребенка не смотрела, ибо не могла оторвать взгляд от телевизора. – Мама... Иди скорей...

Женщина вбежала в комнату со сковородой в руке и не сразу посмотрела в телевизор, решив, что с ребенком что-то случилось. Но увидев, куда устремлен взгляд дочери, обернулась в ту сторону и только на какое-то мгновение ухватила взглядом лицо человека, которого показывали в другом телесюжете. Черты лица человека показались женщине знакомыми. Но звук

был включен слабо, а испуганный ребенок плакал громко, и слышно было только отдельные слова.

Дочь наконец сообразила, схватила пульт и увеличила звук, но сюжет уже кончился.

– Это же... Это же папа...

– Что говорили-то? – спросила старшая женщина.

– Скинхеды какие-то напали на психически больного дворника, коренного москвича, таджика по национальности. И он один справился с пятерыми... Мама... Какой дворник, да еще психически больной, справится с пятерыми?!

– Поздно я прибежала, – посетовала женщина постарше. – Только-только глянуть успела, и все... Но – похож...

– Таджик... – сказала дочь. – Тише, тише, малыш... Он мог и таджиком назваться... По бабушке... Мог ведь?

– Он и разговаривать с ними мог по-таджикски. Не все, конечно, понимал, но понимал... Интересно, повторять они будут?

– По субботам они выборочно показывают... Могут показать... А могут и нет... Давай звонить будем... На телевидение... Узнаем...

Женщина постарше вдруг вздохнула обреченно и пошла на кухню, желая спрятать слезы, выступившие на глазах. И только в дверном проеме обернулась.

– Сейчас как раз годовщина подходит... В это время каждый год ждешь... У меня первые четыре года вообще невозможное состояние было... Все его лицо мерещилось... Прохожих на улице догоняла, за руки хватала, к себе поворачивала... – и непонятно было, то ли себя, то ли дочь она успокаивала, предупреждая, что шансов на ошибку девяносто девять процентов против одного шанса на действительность...

– Это папа, это он... – упрямо повторила молодая женщина. – Я не могла ошибиться... Я не могла ошибиться, мама... Тише, тише роденький... Дедушку твоего показали, дедушку, слышишь... Дедушку твоего... Есть у тебя, сынок, как у всех детей, дедушка... Мама, телефонный справочник где? Найди, я пока Андрейку успокою... Я позвоню на телевидение... Я найду...

Голос дочери звучал упрямо и слегка истерично...

* * *

Абдулло Нурович Солимов вернулся домой позже обычного, потому что старался наверстать упущенное время и не оставить на утро незаконченную работу. Он никогда не любил оставлять работу незавершенной. И устал после всего, что с ним за день произошло, гораздо больше обычного. Но вернулся он, как видела соседка в окно, со своей обычной полуулыбкой на лице, никак не выдавая свое состояние или свои чувства. Другим его соседи никогда не видели. А жил Абдулло Нурович в этой однокомнатной квартире на втором этаже уже семь лет. Обстановка в доме была спартанская, в квартире нужно было давно сделать ремонт, который был хозяину не по карману, но, несмотря на эти недостатки, в жилище Солимова всегда было идеально чисто и ухоженно. Абдулло Нурович болезненно любил порядок и тщательно вытирал все, что могло собирать пыль или грязь. Он и в работе был таким же чистюлей и потому считался в своей жилищной конторе идеальным дворником.

Включив телевизор, чтобы не прозевать начало сериала, в котором он видел жизнь, его самого обошедшую стороной, но, как думалось, где-то существующую, Абдулло Нурович включил газ и поставил кипятиться чайник. Вода в чайнике была родниковая, которую хозяин сам приносил из недалекого парка, считая водопроводную воду ядовитой и вызывающей всякие болезни.

Чай он пил зеленый, причем элитных сортов, продаваемый на развес, и не дешево. Покупал он его всегда только в одном магазине на другом конце Москвы. Пробовал в других магазинах, где продают вроде бы тот же самый, но там часто попадалась подделка, которую понимающий язык сразу распознавал. Чай – это была самая большая роскошь, которую Абдулло Нурович мог себе позволить. Но к еде он всегда относился равнодушно и обходился простыми суповыми пакетами, которые и варить долго не надо, и стоят недорого.

Чайник вскипел, Солимов заварил чай в небольшой глиняный чайник и вместе с чайником и чашкой ушел в комнату. До начала сериала оставалось еще сорок минут, и скрасить ожидание страстного телезрителя мог только чай, который он пил не спеша и со вкусом, конечно же, без сахара, забивающего сам чайный вкус. С сахаром можно пить только черный чай, который вкуса и без того не имеет.

За всеми кухонными заботами Абдулло Нурович хотел бы совсем не думать о происшествии нынешнего дня. Но совсем не думать об этом он не мог, а думалось как-то странно. Может быть, виной тому была его болезнь, ослабленная память или еще что-то, но столкновение с подрастающими националистами не оставило в памяти большого и устойчивого следа, не вспоминалось целиком, а только отдельными картинками, будто молнии вспыхивающими в голове. При этом как-то судорожно напрягались мышцы и возникали болезненные спазмы. Такое случается, когда в больнице ставят «тяжелые» уколы, которыми, как говорят врачи, они лечат, хотя сам Абдулло Нурович знал, что после лечения ему всегда становилось хуже, как и всем другим больным. Сейчас вспышки тоже причинили ему неприятные мгновения, и он хотел бы, чтобы этого не было. Но как свою память победить, не знал. Эти вспышки беспокоили и, что совсем плохо, не давали насладиться даже чаем, хотя чайная церемония для Абдулло Нуровича давно уже превратилась в возможность оторваться от событий мира. Чай всегда давал возможность расслабиться и ни о чем не думать, ни о чем не беспокоиться, не переживать даже о работе. А это переживание было у Солимова самым устойчивым. Он всегда переживал, когда начинался, например, сильный снегопад. И переживал не за себя, не за то, что придется много работать, а за людей, которым он не успеет расчистить дорожки. Одним успеет, другим нет. И казалось при этом, что он кого-то обижает. А чай заставлял забыть даже о работе...

Для одинокого человека устойчивая многолетняя привычка, наверное, была окном, в котором он видел собственное спокойствие и безмятежность, а именно их ему не всегда хватало, потому что внутри жило какое-то смутное ощущение возможности не одинокой жизни, не такой жизни, как сейчас. Абдулло Нурович сам задумывался о том, откуда такое ощущение взялось, и тут же приходило решение, потому что он вспоминал родителей. Вернее, чаще вспоминал маму. Отца он плохо помнил, ибо отец рано ушел из жизни, а мать, кажется, умерла совсем недавно. И, наверное, именно тогда, когда она была жива и была рядом, он одиночества не ощущал. Чайная церемония была для Абдулло Нуровича ко всему прочему еще и бегством от одиночества. Наверное, они пили чай вместе с мамой, хотя этого он не помнил. Он помнил только то, что раньше он не пил чай один. И чай, таким образом, связывал его с каким-то другим, прочно забытым миром.

Но сейчас попить чай в одиночестве ему не дали. Звонок в дверь заставил Солимова подняться, глянуть на часы, убедиться, что до начала сериала есть еще полчаса, и пойти открывать дверь. Он никогда не спрашивал, кто пришел к нему, даже если звонили ночью. А такое тоже случалось. И дверного «глазка» у него не было. Просто открывал дверь со своей всегдашней полуулыбкой и смотрел, кто пожаловал.

В этот раз пожаловал Валерка, хромой сосед с пятого этажа. Как всегда, нетрезвый. В подъезде три Валерки – на третьем, на четвертом и на пятом этажах. Тот, что на третьем, совсем еще мальчишка и потому, наверное, думал Солимов, не пьет. А два других всегда были нетрезвыми. Толстый Валерка с четвертого этажа был добрым и молчаливым, всегда предлагал помощь, особенно тем, кто в его помощи не нуждался, и сам толстый Валерка об этом знал,

но все равно предлагал. Хромой Валерка с пятого, наоборот, был задиристым, как все мелкие люди, и на всех озлобленным. И всегда говорил плохо, неразборчиво, глотая слова, зато матерился – четко произнося слова.

– Гостей, Абдул, принимаешь? – спросил хромой Валерка, хорошо зная, что Абдулло Нурович всех принимал, и по-хозяйски шагнул за порог, не дожидаясь ответа.

Солимов посторонился, и полуулыбка с его лица не сошла, хотя сам он слегка обеспокоился, боясь, что хромой Валерка не даст ему посмотреть очередную серию. Что Валерке надо, Абдулло Нурович хорошо знал. Практически раз в неделю, а иногда и два раза тот заходил в гости, чтобы выпить здесь бутылочку. Сам хозяин никогда с этим гостем, как и с другими, приходящими по этому же поводу, не пил. Он не пил, сколько себя помнил, вообще ничего, кроме простой воды и чая. Но гости все равно приходили. Они начинали пить где-то в компании. Потом расходились. Кому не хватало, брал бутылку и шел к дворнику, чтобы выпить у него. Дома жены не позволяли...

– Закусить бы чего, Абдул...

– Тебе огурец? – сразу спросил Абдулло Нурович.

– Что дашь... – ответил Валерка и прошел в комнату, не разуваясь.

Из всех гостей только хромой Валерка не любил разуваться. Наверное, ему трудно было это делать из-за хромоты, и потому Солимов, всегда проявляя терпение, вытирал за гостем пол.

Хромой сразу прошел в комнату и сел в старенькое скрипучее кресло, где только что сам Абдулло Нурович сидел. И его чашку, для чая приготовленную, к себе ближе пододвинул. Когда Солимов вернулся с кухни с нарезанным на тарелочке огурцом, Валерка уже выпил первую порцию и сморщил нос, как сердящаяся собака. За огурцом сразу не потянулся, но взял пульт и переключил телевизор на другой канал. Там показывали криминальные новости.

Абдулло Нурович хотел было возмутиться и сказать, что он ждет начала сериала, но тут показали какие-то кадры, заставившие Солимова напрячься.

– А я его знаю... – сказал вдруг он. – Когда меня сегодня забрали, он в милицию приезжал. Ругался и на меня замахивался...

– А это не ты его замочил? – спросил хромой, еще разговаривая почти членораздельно, хотя и слишком быстро для того, чтобы Солимову понять его сразу.

– Нет... Я только его сына побил...

– Ты – побил?.. – неприятно удивился Валерка. – Ты кого-то бить можешь? Так слушай дальше... Сына-то тоже пристрелили... И охранника... А ты, наверное, киллеров нанял. Давай колись, я никому не скажу...

– Нет, это не я... – Абдулло Нурович даже застеснялся. – Да я и сына тоже не бил. Он убежал. Я других троих побил, а двое убежали. А потом милиция приехала, и их всех забрали, и меня тоже. Но меня раньше отпустили...

– Ну, ты старый боец... – Валерка налил себе еще половину чашки, выпил и только после этого захрумкал огурцом. – И за что ты бедных детишек отделал?

Теперь Валерка говорил привычно неразборчиво, и Абдулло Нуровичу пришлось долго соображать, выделяя сначала сам вопрос, и только потом отвечать на него.

– А они меня побить хотели. А я нечаянно их побил. Как-то так получилось...

– А тебя за что?

– Говорят, что я «черный»...

– А... Скинны... – хромой Валерка потерял к разговору интерес. – Этих всех расстреливать можно... Вместе с их папашками... О, смотри... Это же ты...

Солимов и сам увидел, что показывают его. И смотрел с удивлением. У него как-то вылетело из головы, что в милиции его снимали на камеру. Вообще-то Абдулло Нуровича и раньше снимали, как лучшего дворника, и тоже показывали. Он тогда гордился, что снимают его участок. Значит, он хорошо работает. Но тогда его показывали только несколько секунд. А сей-

час показывали долго, и это показалось даже интересным. Только вот свой собственный голос, когда он отвечал на вопросы журналиста, Абдулло Нурович не узнал. Вроде бы чужим голос чудился. Но это было не важно...

– Смотри-ка, не наврал... И вправду пятерых отделал... – удивился хромой Валерка и с уважением смерил взглядом стоящего перед ним дворника с головы до пят и обратно. – Никогда бы не поверил...

* * *

Дочь нашла-таки телефонный номер и, миновав преграды в виде многих и многих людей, не желающих ничего сообщать, сумела пробиться до редактора программы, но тот был сильно занят и разговаривал коротко:

– Завтра позвоните. Я все узнаю у нашего сотрудника. У меня сейчас нет времени запись просматривать. Извините, у меня люди сидят. Всего хорошего...

По большому счету редактор был прав, хотя не прав был просто по-человечески, но с этим бороться было невозможно.

Ребенок опять плакал, требуя к себе внимания.

– Я Владимиру Андреевичу позвоню... – решила мать и пододвинула к себе телефонный аппарат вместе с телефонным справочником.

Последние страницы в телефонном справочнике, как обычно бывает, оставались свободными для того, чтобы записывать туда номера, которых в справочнике нет. Мать искала глазами очки на столике, не нашла их и отодвинула справочник подальше, чтобы лучше видеть написанное, и долго водила пальцем по строчкам. Не часто этим номером пользовалась. Вообще, кажется, только пару раз. Не тот был это человек, которому следовало звонить часто. Хотя и в звании он был только полковник, что соответствовало должности командующего войсками спецназа ГРУ, но все-таки командующий, пусть и бывший. И хорошо относившийся к ее мужу. И потому позвонить ему следовало.

– Мариша, успокой Андрейку... А то слышно не будет...

Дочь поискала на полке соску-пустышку, от которой сына давно отучила, сама облизала ее, чтобы пыль сыну в рот не попала, и выдала пустышку как награду, это заставило мальчика удовлетворенно замолчать.

Отставной командующий войсками спецназа ГРУ сразу трубку взял, причем сам, поэтому не пришлось объяснять его жене, кто звонит и по какому поводу. Когда-то был случай – пришлось долго объяснять, кто звонит и зачем, и это было неприятно.

– Слушаю.

– Владимир Андреевич, это вас Любовь Петровна Стримова беспокоит. Помните?... Подполковник Стромов...

– Да-да, Любовь Петровна. Я помню, конечно, Андрея Никитовича и вас помню... Вы же звонили как-то... Несколько лет назад... Чем могу?..

– Скажите, вот вы абсолютно уверены, что Андрей погиб?

– Я затрудняюсь дать вам категоричный ответ. Я не видел ни момента взрыва, ни тела... Помнится, его хоронили в запаянном цинковом гробу?

– Да. Сказали, что после взрыва машины смогли собрать только фрагменты тела... И то не все... Там очень сильный взрыв был...

– Я знаю ровно столько, сколько и вы. А чем ваш вопрос вызван?

Любовь Петровна коротко рассказала суть.

– Таджик, вы говорите... – задумался отставной полковник. – А ведь Андрей Никитич, помнится...

– Да, у него мать была таджичка. Он владел таджикским языком. Не совсем свободно, но владел. И лицо у него с восточными чертами было...

– Да-да, я помню... Таджик-дворник... – Слабоумный, и уложил пятерых парней... И говорит, что в армии не служил... Само по себе это уже как-то странно...

– Странно не это, Владимир Андреевич, странно – лицо... Я сама видела его только пару секунд. Но дочь всю передачу смотрела. Она полностью уверена, что это отец... Конечно, больше восьми лет прошло. Но ошибиться она не могла...

Отставной полковник помолчал некоторое время.

– Знаете что, Любовь Петровна, давайте так договоримся. Сейчас уже вечер, и я едва ли смогу что-то узнать, хотя попробую. А завтра с утра я этим делом займусь. Я попрошу поднять мне все документы по гибели подполковника Стророва. Думаю, мне не откажут. Нет причины отказать... Заодно соберу все возможные сведения об этом дворнике. Как что-то будет известно, я сразу сообщу вам. Малейшая зацепка или, наоборот, факт противоположный, я сразу позвоню. Номер мне напомните...

Любовь Петровна продиктовала свой домашний номер и номер сотового телефона дочери...

* * *

Сначала из дома позвонила жена:

– Ты скоро?

Он ответил вопросом на вопрос.

– Телевизор смотрела?

Она сообразительная, все поняла.

– Смотрела... Этого... Соловьева...

– Да. Дело на личном контроле президента. Все наше начальство на ушах стоит и пятки вместо затылка чешет...

И опять жена все поняла.

– На тебя взвалили?

– Гордись. Твоего мужа лучшим считают и потому все на него велят...

Этим ее не прошибешь.

– По мне, так лучше бы ты середнячком незаметным был. Хоть бабы не висли бы. Ночевать заявишься?

– Не могу знать, гражданка хозяйка... Пока только знакомлюсь с готовыми материалами дела. Когда познакоплюсь, начну соображать...

– Если не приедешь, позвони...

– Доложу по полной форме...

Потом позвонила дежурная делопроизводительница отдела.

– Товарищ полковник, материалы баллистической экспертизы прислали. Я вам доступ открыла, можете посмотреть. Принтер, кстати, отремонтировали. Я могу вам распечатать...

– Спасибо... Распечатывать пока не надо... – старший следователь следственного комитета по особо важным делам Виктор Анисимович Бурундуков положил трубку, нацепил на нос очки и повернулся к компьютеру.

Именно этого он и дожидался. Недолго пощелкав мышью, Виктор Анисимович нашел файл с нужными материалами и стал читать выводы экспертов прямо с монитора. Вообще-то все следователи обычно предпочитают распечатывать материалы. Один только Виктор Анисимович читает с экрана. Глаза, что ли, так устроены, что не так болят, как у всех, если долго за компьютером работает. Но он всегда и дома читал то, что следовало прочитать, не распечатывая. Может быть, привычка выработалась...

Последний текст был небольшой, но наводил на определенные выводы и сразу вызывал целый ряд вопросов. Вопросы только еще созревали в голове, не сразу оформившись, и, чтобы их точно сформулировать, полковник Бурундуков стал заново читать другие материалы.

Сам он на место происшествия не выезжал, там работал лишь дежурный следователь и дежурная бригада, и затребовал материалы на свой компьютер только после прямого распоряжения начальства. Материалы еще не все были готовы, некоторые набирали на клавиатуре и вносили уже в то время, когда Бурундуков проводил первичное ознакомление. Но что-то уже назревало довольно конкретное.

Сразу вызывал вопрос тот факт, что и водитель-охранник Анатолий Валерьевич Костылев, и убитый чиновник мэрии Владимир Эрикович Соловьев были в бронежилетах скрытого ношения. Ну, резонно предположить, что водитель-охранник, в силу своей профессии, в рабочее время постоянно носит бронежилет. Это тоже, конечно, нонсенс, но и такое случалось на памяти Виктора Анисимовича несколько раз.

Однако чтобы чиновники мэрии, даже такие высокопоставленные, через руки которых ежедневно проходят судьбоносные для простых и непростых людей финансовые решения, носили постоянно бронежилет, даже слухов не ходило. Следовательно, есть основания считать, что Соловьев ожидал покушения и от чего-то оберегался.

На убитом вместе с ними сыне Соловьева, студенте-третьекурснике, бронежилета не было, и резонно было предположить, что мальчишка попал под расстрел, что называется, «прицепом», и вообще прорабатывать версию убийства через него – это время попусту тратить. Наиболее вероятной выглядит версия с убийством по мотивам профессиональной деятельности Соловьева. И в первую очередь следует рассматривать вопрос об угрозах, которые несомненно звучали в адрес убитого. Иначе зачем бы он носил бронежилет. Значит, следует многократно опросить всех, кто так или иначе встречался и общался с Соловьевым в последнюю, предположим, неделю. В восьмидесяти случаях из ста люди рассказывают кому-то, что им угрожают убийством, и рассказывают, по какой причине угрожают. Если поискать хорошенько, то найти таких людей всегда можно.

Эту версию начала прорабатывать следственная бригада. Необходимо будет подключить экспертов из экономического отдела следственного комитета. Самим разобраться с причинами, которые могли толкнуть кого-то на громкое убийство, сложно. Пусть специалисты посмотрят материалы всех дел, по которым в последние месяцы работал Соловьев. Там может быть конкретный след. Но и в этой простой версии сразу появляются настолько серьезные вопросы, что разрешить их, может быть, не только сложно, но и опасно для жизни тех, кто в них суется. И Виктор Анисимович сразу почувствовал это по нескольким малозаметным штрихам.

Интересна марка оружия, из которого было совершено убийство. Криминальные круги таким пока еще не обзавелись. Виктор Анисимович сразу запустил в строку поиска запрос, и, по данным всероссийской картотеки, на территории страны пока не было совершено ни одного криминального преступления с применением «ПП-2000». Был только малозначительный эпизод, когда милиционеры, получившие пистолеты-пулеметы на вооружение, это дело обмыли и один во время ссоры застрелил другого. Этот факт нельзя брать за основу. Следовательно, можно считать, что к преступлению причастны какие-то силовые структуры. Официальный запрос на реестр поставок новых пистолетов-пулеметов в Тулу отправлен, но ответ, естественно, придет только утром, если вообще не к обеду. Пока в Туле почешут затылки, пока подумают, время может уйти. Надо не забыть к началу рабочего дня позвонить на завод и напомнить о запросе, на котором и без того стоит пометка «срочно». Пометка, конечно, обязательная для исполнения только внутри следственного комитета и прокуратуры, тем не менее она должна впечатлить.

Еще одно Бурундукову было ясно, хотя доказательств никаких, естественно, не было, поскольку эта версия еще не разрабатывалась – охрана дома или содействовала убийству, или

равнодушно наблюдала, как дело происходит, получив от кого-то предупреждение. Если присутствует второй вариант, то это очень плохо для следствия.

Полковник несколько раз просмотрел всю схему охраны, составленную грамотно и без изъянов каким-то заслуживающим похвалы специалистом. Камеры внешнего наблюдения не имели «мертвых зон». Следовательно, любое проникновение на охраняемую территорию извне было возможно только в том случае, если человек, сидящий перед мониторами, отвлекся. А умышленно отвлечь его со стороны было невозможно, потому что комната не имеет окон и единственная дверь выходит на первый этаж дома Соловьева. Правда, в этот день приехала машина с новой мебелью для кабинета хозяина. Мебель заносили собственные грузчики мебельного магазина. Вместе с ними приехали и два сборщика, но, поскольку никого из хозяев дома не оказалось и заплатить сборщикам было некому, и вообще неизвестно было, пожелает ли Владимир Эрикович воспользоваться услугами сборщиков или заставит все собирать собственного рабочего, которого держит дома, да и ключа от кабинета ни у кого не было, сборщиков с той же машиной отправили обратно. Вариант проникновения киллеров вместе с машиной для перевозки мебели сейчас прорабатывается следственной бригадой. Но, даже если киллеры проникли в дом таким образом и миновали зоны просмотра камер видеонаблюдения, есть еще очень странные вещи, на которые никто пока, кроме Бурундукова, внимания не обратил. А он пока думал, как использовать имеющиеся данные, и не хотел торопиться с выводом до тех пор, пока не соберет больше фактического материала. Несоответствие состояло в том, что киллеры производили расстрел из пистолетов-пулеметов «ПП-2000» с глушителем, используя мощные патроны «7Н31», имеющие бронебойные пули. А странность просматривалась даже поверхностным взглядом каждому, кто знаком с оружием такого типа. Бронебойная пуля «7Н31» калибра девять миллиметров имеет начальную скорость полета пули сверхзвуковую. Следовательно, глушитель в данной ситуации можно использовать только в качестве так называемого «тактического» оружия, производящего впечатление, но не выполняющего своего предназначения. Глушитель не мог полностью погасить звук выстрелов. Тем более при автоматической стрельбе. На окнах кирпичной сторожки у въездных ворот были установлены обычные пластиковые стеклопакеты, не способные заглушить стрельбу настолько, чтобы охранник ничего не услышал.

Глушитель «ПП-2000» в обычном применении предназначен для стрельбы патронами «9x19 Par». Тоже заряд хороший, мощный и с великолепной останавливающей силой, но не пробивает, в отличие от пули «7Н31», любой бронежилет и даже мощную защиту автомобиля. Чтобы убедиться в правильности своей мысли, Виктор Анисимович даже посмотрел в разделе служебного оружия характеристики на «ПП-2000». Да, бронебойная пуля с дистанции в пятнадцать метров пробивает броню толщиной в 8 миллиметров и сохраняет свою убийственную силу. В гараже же изрешетили трех человек и машину так, словно люди прятались за бумагой. Милиционеры подобрали на месте расстрела более ста двадцати стреляных гильз. Значит, каждый из киллеров выпустил почти по полному магазину в сорок четыре патрона. Более ста двадцати выстрелов, более ста двадцати ударов, в том числе в стекло и в металл машины.

И охранник ворот на это не среагировал? Он среагировать был обязан!.. Он не мог не среагировать... Если бы просто испугался, что тоже можно было бы предположить, то «тревожную кнопку» нажал бы сразу, только от испуга вызвал бы помощь. Но он дождался момента, когда киллеры уедут. И вызвал подмогу только после этого.

Не захочешь, а в разделе подозреваемых охранник у ворот встанет на первое место...

Служебное досье на охранника пока найти не удалось – вечернее время, кроме того, преждевременно поднимать вокруг этого имени суматоху. Иначе можно спугнуть исполнителей и заказчиков. И вообще обнародовать свои подозрения Виктор Анисимович не торопился и даже не приказал пока пустить за охранником «наружку». Здесь явно чувствовалась рука мощной профессиональной силовой структуры, а что это за структура – известно пока не было.

Но он был уверен, если сейчас заявить, что охранник находится под подозрением, то можно приставить к самому подозреваемому охрану хоть из пяти человек, но его все равно уберечь не удастся. Можно даже в камеру-одиночку его посадить, но уже завтра утром в камере будет обнаружен труп. Профессионалы работать умеют и все следы тщательно заматают. И потому лучше пока своими подозрениями ни с кем не делиться, даже с собственным руководством, потому что у каждого из руководителей есть где-то друзья и знакомые, и все в чем-то повязаны. А определить, кто и с кем знаком, кто и кому захочет оказать услугу за полученную раньше или будущую услугу, – невозможно. Такие связи не афишируются. Предварительно следует «прощупать» охранника собственными проверенными силами, поискать его персональные связи и только после этого действовать.

Но и для того, чтобы охранника «прощупать», следует не всем доверять, а только выборочным членам своей следственной бригады, в которых уверен на все сто процентов. Иначе могут возникнуть осложнения. Те люди, что не побоялись расстрелять крупного чиновника московской мэрии, которые имеют право приказывать или возможность принуждать охрану этого чиновника закрыть на происходящее глаза, – эти люди не заметят, когда переедут на своем автомобиле какого-нибудь следователя, который заберется в сферу их интересов. И только имея на руках неопровержимые улики, можно действовать.

Виктор Анисимович, недолго подумав, пошел к дежурному по следственному комитету, чтобы взять свой пистолет из оружейного ящика. Другие сотрудники свое оружие часто держат в собственном сейфе. Бурундуков же всегда предпочитал работать головой, а не с оружием в руках и потому уже и забыл, как выглядит его «ПМ». Но сейчас виделась необходимость иметь оружие под рукой...

Глава 2

На удивление, хромой Валерка с пятого этажа не стал засиживаться, хотя обычно он любил поговорить, не нуждаясь, впрочем, в том, чтобы его слушали. В этот раз, похоже, его сильно поразила история, которую даже по телевидению показали. Валерка, часто хвастающийся своим задиристым характером, всегда слегка свысока относился к дворнику, а тут такое дело. И он ушел, откровенно плохо себя чувствующий, расстроенный и словно бы пристыженный. И даже водка не доставила ему радости...

Но Абдулло Нурович был даже доволен, что хромой ушел так скоро. И ушел к тому же как раз вовремя, к началу сериала. К этому моменту сам Солимов успел первый чайник выпить и заварил вторую порцию. Последние минуты перед тем, как сесть к телевизору, Абдулло Нурович посвятил тому, что подтер пол в коридоре, где хромой Валерка сильно наследил своими башмаками. Затем дворник прочно и незыблемо, как памятник, уселся в кресле перед телевизором, налил себе чашку чая, поднял, чтобы сделать первый глоток... И вдруг, для самого себя неожиданно, вспомнил всю сегодняшнюю драку от начала до конца. Он ее словно бы со стороны видел, оценивая каждое свое движение и сравнивая свои движения с теми движениями, что он наблюдал у телевизионных специалистов по дракам. И понял нечаянно, что там, на телеэкране, дерутся совсем неправильно, а правильно дрался именно он. Более того, Солимов вдруг с каким-то охватившим его непонятым трепетом, сильно его взволновавшим, понял, что наклонялся за брошенной бутылкой, уже ожидая, что вслед за этим последует удар в затылок, и специально подставлял затылок под этот удар, то есть даже провоцировал юнцов на активные действия, но сам при этом, не глядя вперед, все видел и чувствовал, и даже пошатнулся не случайно, а расчетливо и отклонился ровно настолько, чтобы вторая бутылка прошла мимо головы, и ни на сантиметр больше. И даже метлу вперед рукояткой переместил тоже с правильным расчетом и сам нанес черенком короткий и незаметный удар в солнечное сплетение. Удар, который никто не увидел, но который почувствовал парень, его получивший. Если, конечно, успел почувствовать, потому что времени у него для оценки своего состояния не было – отключился он сразу.

Осознание и приятие этих фактов было для Абдулло Нуровича открытием, и открытием даже слегка ужасающим, пугающим и, как это ни странно, одновременно вызывающим непонятную гордость за себя. Правда, гордость эта была выражена слабо. Может быть, это вообще не гордость была, а удовлетворение точно такое же, какое он испытывает, оглядывая только что вычищенный и выметенный участок улицы. Абдулло Нурович мысленно еще несколько раз «прогнал» ситуацию перед глазами, опять глядя на нее со стороны, и видел, что не совершил ни одного лишнего, необдуманного или суетливого движения. Он совсем не так дрался, как дерутся крутые парни в кино. Они дерутся красиво, радуя зрителей. А он дрался правильно и эффективно, не оставляя противникам практически никаких шансов на победу, но понимая это только сам. Они это понять не могли, потому что не были готовы к такому повороту событий и вообще, наверное, никогда не получали отпора. А получив, да еще такой жесткий, растерялись. И не сразу поняли, что все происходящее не случайность, хотя сам Абдулло Нурович считал это вроде бы и случайностью, в глубине души имея в этом сомнение, но опасаясь свое сомнение беречь.

И тем не менее он снова сомнения разбередил. Откуда-то, наверное тоже из кино, пришла в голову другая картина, как люди в камуфлированной одежде наносят один другому целые каскады ударов, причем бьют, не просто показывая, а бьют по-настоящему и защищаются по-настоящему. Странно было то, что они вроде бы учатся, но бьют так серьезно. Да, наверное, это было из кино. В кино все всегда выглядит по-настоящему. В жизни же так не должно быть. В жизни, если учатся, то не бьют так... Но смущал человек, мелькающий здесь же, и человек

этот показывал, как бить правильно. И тем и другим показывал, как учитель на уроке. И был этот человек... Нет, со стороны посмотреть на него не удавалось. Абдулло Нурович видел все словно бы глазами самого этого человека...

Это вообще все путало в голове. Все и абсолютно путало и крушило...

В доме дворника было несколько книжек, которые хранились не на специальной книжной полке, а просто стояли, прижатые одна к другой на одежном шкафу. Заядлым читателем Абдулло Нурович не был, но иногда читал, что попадало в руки. А как к нему большинство книг попало, он и не помнил. Но сразу вспомнилась одна книга, которую кто-то забыл на скамейке возле дома, где он убирал территорию. Тогда он эту книгу прочитал, и что-то там путаное говорилось о том, что каждый человек проживает много жизней, воплощаясь в разные тела. А что, если это, тогда, при чтении, показавшееся невероятным, правда? И сейчас невольно пришла в голову мысль, что он, может быть, был в прошлой жизни каким-то специалистом по дракам, который даже других обучал. И оттого видит мысленно эти картинки. Но и опять такое понимание все перепутывало в голове еще больше. Если он умел драться в другом теле, как же тогда его нынешнее тело помнит навыки рукопашного боя?

Освобождаясь от тяжелых мыслей, Абдулло Нурович сделал из чашки с чаем маленький глоток, и этот глоток вернул его в привычный мир, и оказалось вдруг, что сериал уже идет, а он в своих думах даже не заметил этого и даже, может быть, упустил важный момент в фильме. Хотя и чрезвычайно спокойный внешне, Абдулло Нурович все же имел натуру горячую и воспринимал все теледействие эмоционально. И всегда в душе переживал за героев сериалов. Он и сейчас на какое-то мгновение вспыхнул, а потом снова отключился от сериала, вспомнив вдруг, как, наклонившись, ждал удара ногой в лицо, как не смотрел перед собой, но видел ноги парня, его замах, и ощутил, как сам сдвигается в сторону, чтобы не глядя поймать ногу под мышку. А потом... А потом он, не выпустив ногу, стал резко выпрямляться с одновременным шагом назад и потянул ногу на себя, понимая, что голова сейчас должна соприкоснуться с асфальтом, и заставляя ее соприкоснуться именно там, где асфальт был усыпан острыми осколками от разбитой бутылки. Ощущение того, что он действовал, пусть и не задумываясь над этим, умно и только так, как следовало бы действовать, было одновременно и открытием и ударом. От этого даже голова начала болеть. Он же не умеет так действовать. Он вообще человек с замедленными мыслительными способностями, с замороженной длинной памятью и с полным отсутствием умения концентрироваться на чем-то конкретном, выходящем за рамки постприобретенных навыков. А его приобретенные навыки были навыками дворника...

Абдулло Нурович мысленно повторил все это в голове и вспомнил, что так говорил один врач другому, когда врачи сидели за столом, а он, в больничном халате, стоял перед ними. Даже голос, слегка брезгливый и по-врачебному равнодушный, вспомнился. Что-то они еще мудреное говорили, и он не мог все вспомнить. Но говорили о нем, и это он знал точно. Но тогда – как же он мог так здорово драться? Это выбивало все понятия Солимова о себе самом из привычной и такой спокойной жизненной колеи и вызывало такую головную боль, что не хотелось не только чай пить, не хотелось даже сериал смотреть. А это было для него делом неммыслимым...

Сериал давно кончился. А Абдулло Нурович все так же сидел перед телевизором, ничего не видя и не вникая в то, что было на экране. Из состояния протрации его вывел телефонный звонок.

– Абдул... – сказал голос толстого Валерки с четвертого этажа. – Ты жив?

– Жив... Что ты хотел?

– Моя тут говорит, тебя по телевизору показывали... Скины какие-то на тебя напали, что ли...

– Я их побил... – скромно ответил Солимов.

– Ну, тогда все в порядке. Если что, зови... – Как всегда, Валерка предложил помощь...

* * *

Вечер прошел беспокойно, и даже маленький Андрейка чувствовал состояние матери и бабушки и тоже вел себя адекватно их поведению, заставляя женщин отвлекаться и больше заниматься им, хотя от природы был не капризным ребенком. И никак не желал нормально засыпать, как положено спать в вечернее время ребенку двух с небольшим лет. Он если и засыпал, то вскоре просыпался и начинал плакать – чувствовал общее настроение, царившие в его маленьком мирке.

Если Любовь Петровна просто двигалась по квартире много и не находила себе места, то Мариша сначала замкнулась в себе, потом сорвалась в магазин за продуктами, но вернулась с половины дороги, сообразив, что ближний магазин, что на первом этаже соседнего дома, уже закрыт, а в дальний идти она не захотела. И с порога спросила:

– Никто не звонил?

– Кто ж сейчас позвонит... – ответила Любовь Петровна. – Владимир Андреевич обещал только к завтрашнему дню что-то узнать...

Тем не менее обе женщины ждали какого-то события, которое сдвинет дело с мертвой точки. И событие произошло. Владимир Андреевич все же позвонил, умудрившись найти какие-то сведения раньше обещанного времени.

– Любовь Петровна, извините, что так поздно... Вы еще не спите?

– Нет-нет, Владимир Андреевич... Разве уснешь тут... Даже внук уснуть не может...

– Сколько внуку-то?

– Два и месяц завтра будет... Вы что-то узнали?

– Что смог сегодня, узнал, Любовь Петровна... По своей непосредственной линии – старые товарищеские связи. Обзвонил, кого смог... И вот что мне передали... Там дело действительно не совсем понятное. Машина взорвалась в Дагестане, на самой границе с Чечней. С Андреем Никитовичем были капитан и двое солдат, один из них – водитель. наших людей поблизости не было. И тела, уже запаянные в цинковые гробы, передали нам представители прокуратуры, зафиксировавшие смерть в результате взрыва фугаса на дороге, а те сами получили их уже в том же запаянном виде от местного управления ФСБ. Все вроде бы обыденно... Но вот что странно... Местное управление ФСБ тоже получило тела уже в запаянных гробах от какой-то из частей подчинения ФСБ. Формулировка непонятная... Не часть ФСБ, а часть подчинения ФСБ... Что это такое, нашему управлению выяснить не удалось. И сейчас, задним числом, случайно смогли узнать, что там официально вообще никакие части ФСБ не стояли. Но тогда никто этим плотно не интересовался. Вместе с гробами передали документы погибших, и на этом дело посчитали закрытым. Таким образом, могу только констатировать, что никто не видел подполковника Стророва убитым, кроме каких-то частей подчинения ФСБ. И никто нам не может дать информацию, что это за части. Есть еще одна маленькая деталь, которая настораживает... Дело в том, что даже похоронные команды не возят с собой цинковые гробы. Не держат такие гробы в полевых условиях. Существует определенная технология их запаивания. Тем не менее тогда, в течение четырех месяцев, именно из этого района, где наши подразделения не воевали, а только совершали патрулирование, нам были доставлены тела четырех убитых офицеров спецназа ГРУ. И все в цинковых гробах... Что-то здесь есть такое, что не вписывается в обыкновенную статистику. Но сразу мы разобраться не можем, и потому потребуется дополнительное время на уточнение деталей.

– Значит, Владимир Андреевич...

– Значит, Любовь Петровна, я не берусь со стопроцентной уверенностью утверждать, что Андрей Никитович погиб. Как не могу со стопроцентной уверенностью утверждать и то, что он жив... Понимаете? Но что-то подозрительное в этом деле есть. Особенно мне не нравится

статистика, и я попросил к завтрашнему дню подобрать мне кое-какие сведения... Статистические...

– Я просто в растерянности...

– Извините... Мне не хотелось бы вас напрасно обнадеживать, потому что, если я не прав, вам будет очень больно. Но вы должны быть готовы к этому. И я не имею права отнимать у вас веру и надежду. И сам очень надеюсь, что смогу дать вам дополнительные сведения... Я завтра утром встречаюсь по этому поводу со своим преемником полковником Мочиловым. Помощь с его стороны может оказаться существенной...

– Спасибо, Владимир Андреевич... Извините, что так загрузила вас...

– Это вы извините нас, что мы вовремя не хватились и не проверили все сразу. Возможно, проверку проводить еще придется... Но это не все, что я сумел узнать. По моей просьбе дежурный по управлению затребовал с телевидения копию видеосюжета, о котором вы говорили. У вас есть на чем посмотреть?

– Видеоманитофон...

– Хорошо. Я сейчас позвоню, вам доставят пленку. Адрес мне напомните...

Любовь Петровна севшим от волнения голосом с трудом смогла продиктовать адрес.

– В подъезде домофон?

– Сломан... Дверь открыта... Можно просто подниматься. Восьмой этаж...

– Хорошо, ждите...

Положив трубку, Любовь Петровна еле-еле смогла дойти до дивана, чтобы сесть.

Ноги совсем ее не слушались...

* * *

Телефон звонил долго, требуя к себе внимания, а генерал смотрел на светящееся цифрами табло определителя и пытался вспомнить, чей номер там высветился. Номер был явно знакомый, но вспомнить он не смог, несмотря на свою великолепную память, и, с некоторыми колебаниями, все же снял трубку:

– Профессор Аладьян, слушаю...

– Здравствуйте, Эдуард Осипович. Давненько мы с вами не встречались...

Эдуард Осипович голос, конечно же, узнал сразу и простил свою память – за двадцать с лишним лет можно любой номер забыть, даже номер американского посольства, но изобразил непонимание, чтобы иметь время и правильно сориентироваться, потому что сориентироваться в связи с изменившейся за двадцать лет ситуацией следовало обязательно, и сориентироваться следовало правильно, чтобы не жалеть потом.

– Простите... Не припомню... Кто это?

– «Блудный сын Будды», как я когда-то вам представился... Не вспоминаете?

– Что-то очень смутно... Нельзя ли поконкретнее и покороче. Я сейчас очень занят, у меня люди в кабинете сидят...

Голос генерала звучал не слишком приветливо. Намеренно не слишком приветливо.

– Даже в это время? – голос на другом конце провода выказал удивление. – Я рассчитывал, признаться, что вы сейчас свободны...

– У нас рабочий день ненормированный. Мы никогда не бываем свободны.

Генерал, как любил это делать, говорил только половину правды. Люди сидели и ждали его, но не в этом кабинете, а этажом ниже, куда он должен был вскоре отправиться. И не просто ждали, а работали и знали, что профессор затребовал данные по сбою, который чуть было не произошел в перспективном проекте «Рецессивный фантом». Данные срочно готовят и приводят в удобочитаемый вид. Именно – в удобочитаемый... Аладьян не любил графики и фор-

мулы, хотя и занимал профессорскую должность, и всегда предпочитал простой и доступный текст.

– Хорошо, я буду говорить конкретнее и передам вам привет от доктора Джона Александра². Он вас хорошо помнит...

– Я вспомнил вас, – вынужденно признался генерал и решил все же смягчить на всякий случай свой тон. Кто знает, какие связи сгодятся в будущем. – Извините, я сейчас в самом деле чрезвычайно занят...

– Понятно, Эдуард Осипович. Такие запарки у всех бывают. Но я хотел бы встретиться с вами, чтобы и старое вспомнить, и обговорить кое-какие перспективные дела. Ваш телефон определил мой номер... – Собеседник показал, что его аппарат сам определяет определитель. Впрочем, многие аппараты так делают, и удивляться этому не стоит. Многие аппараты, в том числе и аппарат генерала, даже определяют, прослушивается ли линия. – Когда освободитесь, если вам не трудно будет, позвоните мне. Мы договоримся...

– Я вообще-то намеревался сегодня всю ночь в кабинете пробыть... У нас ситуация острая... – неуверенно заявил генерал. Но потом решил. – Хорошо, я позвоню попозже...

Положив трубку, Эдуард Осипович вдруг заметил, что у него дрожат пальцы. Признак нехороший, и совсем нехорошо будет, если другие тоже это заметят, но унять дрожь только усилием воли никак не удавалось. Однако все же виной нервному состоянию справедливо считать общую обстановку, а не звонок «Блудного сына Будды», который явился только стимулятором возбуждения. В принципе этот звонок, хотя и возвращает к старым связям, ничего с собой не несет, поскольку вины за собой Эдуард Осипович не чувствовал и принять обвинения только потому, что ситуация в стране сейчас иная, не может. А обвинить его обязательно захотят, если все выплывет наружу. Но ему есть к кому отправить обвинителей... Правда, переадресация к покойнику может восприниматься как слабое оправдание, но покойник оставил после себя письменные свидетельства. А если этого покойника перед похоронами отпевают в храме Христа Спасителя, несмотря на то что он распродал накопленное поколениями людей, то свидетельства эти стоят многого. Однако дрожь в собственных пальцах генералу не нравилась.

Порывшись в кармане халата, Аладьян нащупал и вытащил пузырек с таблетками вальерьянки и проглотил сразу пять таблеток. Этого должно хватить, и всегда хватало, когда требовалось себя успокоить. Нужно только подождать минут десять, и все пройдет. И как кстати пузырек оказался под рукой. Недавно крошил таблетку коту, который отказывался есть сухой корм. С раскрошенной таблеткой кот не только весь корм съел, но и вылизал свою чашку. А теперь вот сгодилось и самому. Кот здесь же живет, в лаборатории, и считается всеобщим любимцем. Однако за едой приходит только в генеральский кабинет. Уважает чин...

Пальцы дрожать перестали даже быстрее, чем ожидалось, и теперь можно было спокойно пойти в кабинет этажом ниже. Куда Эдуард Осипович и направился, предварительно проверив, закрыт ли его сейф, и заперев свой кабинет на два замка. Это твердая привычка, которую он в себе выработал. Навешивать печать и включать сигнализацию он не стал, поскольку рядом находится закуток дежурного по лаборатории, а там, как того требует необходимость, дежурит не только офицер, но, в дополнение, и врач из наблюдательного сектора. Естественно, врач и офицер друг другу не доверяют, и один в присутствии другого не способен попытаться проникнуть в кабинет генерала. Вообще-то, в этот кабинет уже давно никто проникнуть не пытался. Попытка была вообще единственная, и та целых двадцать лет назад. Тогда, как потом

---

² Доктор Джон Александер, отставной полковник американского спецназа, воевал во Вьетнаме и в Таиланде. Там увлекся буддизмом и изучал его в местных монастырях. Вернувшись в Америку, занимался проблемами оружия, воздействующего на мозг, был директором американских программ по разработке не смертельного оружия в национальной лаборатории в Лос-Аламосе, был советником правительства США по этим же вопросам. Автор многих проектов, которые до сих пор разрабатываются в США с той или иной степенью успешности. Посещал Россию в 1992 году во время противостояния президента и парламента. Есть основания подозревать, что приезжал он не для того, чтобы удовлетворить свое любопытство.

удалось выяснить, одного из сотрудников перекупили французские журналисты, готовящие материал по теме исследований. Сумели вычислить человека по какой-то научной статье. В результате сам виновник перешел из категории сотрудников в категорию подопытных объектов, а потом к нему присоединились и два аккредитованных в Польше французских журналиста. Они не знали, что в Польше аналогичная лаборатория давно ликвидирована и все оборудование демонтировано, точно так же, как оборудование в берлинской лаборатории. И искали след, где его уже не было. Но попутно нашли каким-то образом след в России. Здесь все обстояло несколько лучше. Российскую лабораторию хотя и закрыли на время из-за недостаточного финансирования, но не демонтировали, и даже охрану не сняли, и, когда ее деятельность понадобилась существующей тогда власти, финансирование началось заново, причем финансирование в таких масштабах, какие и не снились раньше, в годы советской власти. Откуда шли деньги, знали только сам Эдуард Осипович и тот, кто деньги давал. Ну, еще люди в правительстве во главе с внуком детского писателя прошлых лет, люди, через которых деньги проходили, но они толком не представляли, что приходится финансировать. Тогда же были даже представлены дополнительные материалы по результатам исследований аналогичных американских лабораторий взамен на данные собственных исследований. Тот обмен, который не слишком любезно был бы воспринят сейчас, в связи с изменением политической обстановки, именно его могут сейчас поставить в вину Аладьяну его недоброжелатели. Но передача данных была санкционирована с самого верха, и в генеральском сейфе до сих пор лежит распоряжение, завизированное лично президентом³. Такая бумага сейчас чрезвычайно важна, и во многом именно из-за нее Эдуард Осипович так ревниво относится к содержимому своего сейфа.

Но тогда, двадцать с лишним лет назад, в эту историю пожелали влезть французские писаки. Пресечь это пришлось предельно жестко, хотя были и другие способы «убедить» любопытных в чем угодно. Но с тех пор режим секретности генерал считал в своей деятельности приоритетным. Не в деятельности лаборатории в целом, а именно в своей, в деятельности руководителя лаборатории. И это то, что он умел делать лучше всех в коллективе, тогда как другие лучше делали основную работу. По большому счету, это было распределение функциональных обязанностей. Профессор Аладьян сам лучше других знал, что ученым только назывался, и диссертации, сначала кандидатскую, потом докторскую писали для него сотрудники. Он же был просто военным человеком, военным руководителем, но никак не научным. Хотя в научные дела вникать тоже приходилось. Но сам он никого к себе и своим делам близко не подпускал. И даже разработал целую серию мер, предотвращающих возможность постороннего вникнуть в его действия хотя бы минимально. И начиналось все с простой аккуратности – с закрытых дверей...

В дополнение Эдуард Осипович, используя находящуюся в его руках систему поощрений, давно ввел в лаборатории такую практику, когда одни сотрудники писали докладные записки на других, и сделал он это осмысленно и расчетливо. Аладьян знал, насколько плохо может получиться, если коллеги станут еще и друзьями в жизни. Тогда они будут уже полностью ненадежными людьми. А ненадежных не держат в такой лаборатории. Вернее, наоборот, держат... Только уже не в качестве сотрудников. Как держали до момента преждевременной кончины

---

³ Известный американский еженедельник «Defense News» в мае 1992 г. сообщил о том, что российское правительство обсуждало вопрос о предоставлении американской стороне информации и оборудования по «акустической психокоррекции». Тогда русские специалисты заявили, что этот прибор способен «передавать команды путем статических и многочастотных звуковых волн и воздействовать на человеческое подсознание без нарушения другой интеллектуальной деятельности». Американские эксперты сообщили, что результаты проверки возможностей этого оборудования «весьма обнадеживающие». После воздействия на объект – пусть это будет доброволец или ничего не подозревающая жертва – в течение менее одной минуты он изменяет свое поведение таким образом, каким это нужно облучающим его агентам или военным. По мнению экспертов, этот акустический психокорректор был разработан в бывшем Советском Союзе еще в середине 70-х годов и предназначался для «подавления беспорядков, контроля над диссидентами, деморализации и выведения из строя противника и создания благоприятных условий для действия дружественных войск».

того сотрудника, что нашел общий язык с журналистами. Его еще четыре года держали, пока организм мог быть годным для проведения экспериментов. Дольше в этих стенах мало кто выдерживает. Те же французские журналисты больше года не протянули...

...Генерал заглянул в закуток дежурного. Дежурный капитан и дежурный врач резко встали, чуть не облившись чаем, который пили.

– Я на второй этаж... Быстро вернусь... – сказал Эдуард Осипович.

Даже если он уходил надолго, он всегда говорил, что вернется быстро...

* * *

После непродолжительного совещания со следственной бригадой, когда Бурундукову доложили все предварительные результаты, уже знакомые ему по электронному варианту уголовного дела, полковник распустил всех до утра по домам, оставив в кабинете только двух следователей – капитана Валентина Васильевича Рублева и майора Александра Владимировича Максакова. Это были как раз те два человека, на которых он вполне мог положиться, и мог с ними поделиться своими соображениями.

– Значит, мы пришли к единому мнению, что в гараже работали «профессионалы высокого полета»...

«Профессионалами высокого полета» традиционно зовутся не доморощенные специалисты, а люди, прошедшие высококвалифицированную подготовку в каких-то серьезных государственных структурах и, возможно, до сих пор на государственные структуры работающие. При этом, как правило, допускалось два основных варианта. Согласно первому, наиболее предпочтительному для руководства, «профессионалы высокого полета» считали, что им на службе платят незаслуженно мало, и искали работу на стороне, то есть в дополнение ко всему подрабатывали в каких-то криминальных структурах, собственных профессионалов такого уровня не имеющих. По второму варианту, наиболее сложному и опасному в расследовании, эти профессионалы выполняли свою профессиональную обязанность, то есть действовали по приказу собственного руководства и в интересах ведомства, в котором служили.

– Тут сомнений быть не может, – согласился Валентин Васильевич Рублев. – Простой уголовник даже не отключит грамотно камеры слежения. В случае общего отключения электричества, к чему обычно прибегают в таких случаях уголовники, электроника сама в течение трех секунд врубает генератор, и камеры продолжают работу.

Всегда мрачный Александр Владимирович Максаков слушал молча, и, если не возражал, значит, соглашался. Майор, вообще, здраво считал, что слово – золото, а собственное слово считал золотом высшей пробы и потому словами не разбрасывался.

– Что по поводу охраны думаете?

– Трясти надо... – категорично заявил капитан. – Только так, чтобы они сами не почувствовали, откуда корни растут. Повод для проверки есть. Пригрозить приостановкой лицензии, чтобы были посговорчивее... Допустили такое громкое убийство – это провал в профессионализме. Следует профессионализм проверить... А заодно и все остальное...

– Охранное предприятие «Цербер»... – сказал наконец-то свое веское слово майор Максаков. – Только шесть лет работают. Опыт минимальный. Кто возглавляет?

– Какой-то отставной мент, подполковник, – сказал Рублев. – Это все, что я знаю.

– С утра и узнай побольше... – приказал Бурундуков. – Охранники на твоей совести. А ты...

– Я бы оружием вплотную занялся, – опытный Максаков сам выбрал себе то направление, которое хотел ему предложить Виктор Анисимович.

– Верно мыслишь... Мысли какие-то есть?

– Есть мысли... Пока не буду говорить...

– Скорость полета бронебойной пули? – осторожно спросил полковник.
– Именно... Сверхзвуковая начальная скорость, и глушитель, который не глушит... И охранник, который ничего не слышал, хотя был совсем рядом...

– И кто-то, кто приказал охране ничего не слышать? – глядя в глаза майору, спросил Виктор Анисимович.

– Именно...

– Все правильно. Обсудите это вместе, чтобы друг другу ножку не подставить. Я пока план мероприятий набросаю. Начальство требовать будет... И никому о результатах. На общей планерке – ничего. Сначала прощупаем, с кем дело имеем. Жду утром... Свободны...

Следователи вышли, а полковник посмотрел на часы, потом позвонил дежурному по комитету, чтобы поинтересоваться, кто из начальства на месте. Начальство на месте было почти полностью. Следовательно, ждут от него доклада. Надо срочно «настучать» план мероприятий. Хорошо хоть принтер отремонтировали. Начальство не любит читать с монитора...

* * *

Ожидание всегда тягостно и утомляет значительно сильнее, чем какое-то дело, даже трудное, требующее применения сил. По вечерней Москве и проехать можно быстро, не то что днем. Но кассету все не привозили, хотя уже почти два часа прошло в напряженном ожидании. Любовь Петровна так и сидела на диване, чувствуя слабость в ногах и не решаясь встать и походить по квартире, как она ходила недавно. Мариша же, пользуясь тем, что Андрейка, наконец-то, устал капризничать и уснул, кажется, основательно, заняла место у окна, чтобы увидеть тех, кто появится до того, как в дверь позвонят. Тоже боялась, что звонок Андрейку потревожит и придется снова его укладывать. Она несколько раз собиралась позвонить мужу, старшему лейтенанту спецназа ГРУ, но Любовь Петровна советовала не торопиться до тех пор, пока не посмотрят кассету.

– Приехал кто-то... На «уазике»... Военный, кажется... Темно... Военный, да... – сказала наконец Мариша и, шлепая тапочками матери, заспешила к двери, хотя до двери от машины следовало добираться не две секунды.

Открыв входную дверь, она услышала, как в подъезде хлопнула дверь, потом лифт пополз сначала вниз с какого-то из верхних этажей и после этого сразу начал подниматься. Мариша просчитала правильно. Лифт остановился на их восьмом этаже, двери раздвинулись, и на лестничную площадку вышел сухощавый капитан со смутно знакомым лицом. Сразу увидел Маришу, коротко глянул на номер квартиры и молча протянул пластиковый пакет.

– Просили передать...

– Спасибо, – сказала Мариша. – Чаю попьете?

– Извините, спешу... Вы, кажется, жена старшего лейтенанта Марочкина?

– Да.

– Я у вас на свадьбе был. В военном городке. Капитан Юровских... Николаем меня зовут... Еще раз извините. До свидания...

И капитан Юровских тут же скрылся в лифте, автоматические двери которого пришлось придержать руками, чтобы не закрылись перед носом.

Видеокассету в видеомэгафон вставляла Мариша. Руки ее при этом слегка подрагивали, и кассета никак не могла войти в паз правильно. Наконец, все получилось, и дочь с матерью в молчании трижды просмотрели запись сюжета.

– Он... – обессиленно сказала Мариша, откидываясь на спинку кресла.

– Не знаю... – в сомнении прошептала Любовь Петровна. – Лицо похоже, голос похож. Борода у отца так же клинышком росла... Он старшим лейтенантом был, в отпуске не брился... Как из Анголы вернулся с ранением, три месяца отдыхал. Бриться не хотел. Он из всей группы

один в живых остался и переживал... Борода отросла... Такая же... Похож... А что-то в поведении... Не так как-то себя ведет... Отец же, помнишь, такой стремительный был... А этот... И говорит...

– Как слабоумный... – задумчиво сказала Мариша. – Они же говорят, что у него деменция...

– Нет... Это... Я бы не так сказала... Это... Как после операции, когда от наркоза отходит... – поправила Любовь Петровна. – И не все еще сообразить может... Временное явление...

Новый телефонный звонок не дал им договорить. Любовь Петровна схватила трубку первой, а Мариша на часы глянула – кто так поздно?

– Любовь Петровна, я понимаю, что вам сейчас не до сна, потому и звоню.

– Да-да, Владимир Андреевич... Мы только что смотреть закончили... Трижды прокрутили...

– Мне тоже кассету скопировали и привезли. Впечатление у меня двойное.

– У нас тоже. Внешне – он, и борода у него росла так же. А по поведению, по манере разговаривать – есть сомнения.

– Манера разговаривать – это момент преходящий. Но вы, наверное, лучше меня его помните. Я в своем архиве покопался, нашел две фотографии, где Андрей Никитович присутствует. Но снимки старые и мелкие. Идентифицировать будет трудно. Если вы не против, завтра утром к вам заедет тот самый капитан, что кассету привозил. Вы подберите ему фотографии. В лаборатории попробуют провести компьютерную идентификацию.

– Хорошо, обязательно... У нас есть хорошие фотографии. Обязательно, Владимир Андреевич. Спасибо вам. Еще вот что, я только сейчас сообразила. Этот дворник... Фамилия – Солимов... У Андрея Никитовича мать была таджичкой. Ее фамилия – Солимова. Гульчехра Солимова...

– Вы предполагаете, что это какой-то родственник?

– Нет... Я предполагаю, что это он... Но... Как это сказать...

– Оперативный псевдоним?

– Может, и так это называется... Я не знаю, я путаюсь... Он не стал бы от нас прятаться, как вы, наверное, подумали...

– Я так не подумал. Оперативный псевдоним мог быть придуман кем-то другим, кто знает его биографию. И он не может прятаться одновременно и от семьи, и от Службы...

– Вы точно знаете, что управление здесь ни при чем?

– Я был бы в курсе. Значит, мы с вами представляем одну заинтересованную сторону. Мы с вами, и Служба вместе с нами. И мы постараемся все выяснить, но делать это следует осторожно и аккуратно. Иначе мы можем ему навредить. Понимаете, о чем я говорю?

Отставной полковник называл Главное разведуправление, как и Андрей Никитович, Службой.

– Не очень...

– Мы не знаем, что с Андреем Никитовичем случилось, если это все-таки действительно он. И грубым вмешательством можем подставить его под удар. Поэтому я попрошу вас не делать никаких самостоятельных шагов, не посоветовавшись со мной.

– Я думала завтра с дочерью найти его... Хотя бы посмотреть, поговорить...

– Ни в коем случае! Категорично! Это может его просто погубить...

Любовь Петровна вздохнула и неохотно согласилась:

– Хорошо...

* * *

Головная боль была настолько сильной, что вызвала, как показалось Абдулло Нуровичу, тоску, схожую с зубной болью. Он даже по своей маленькой однокомнатной квартирке ходить не мог, потому что каждый шаг отдавался в голове звоном колокола. И телевизор выключил, не досмотрев до конца новости, хотя новостями интересовался постоянно и постоянно ждал, когда люди, и он в том числе, будут жить лучше.

Из всех лекарств дома были только такие, которые снимали беспокойство. Их врач выпи-сал, и Абдулло Нурович был врачу за это благодарен, потому что таблетки всегда ему помо-гали. Сейчас, когда вместе с головной болью пришла непонятная тоска, даже захотелось, чтобы заглянул с бутылкой кто-нибудь из двух Валерок, что дома пить не рискуют. Конечно, это от головной боли не спасет, но спасет от тоски и от одиночества. И вообще, пора уже, как давно собирался, завести себе собаку. Не такую, чтобы досаждала лаем и самому хозяину, и соседям, а добренькую. Абдулло Нурович уже присматривал себе не однажды щенков. Но все, кто про-давал их, хвастались, что собака злая. И если даже не сумеет защитить, то шум поднимет. Они считали это достоинством, тогда как Абдулло Нурович считал недостатком. Только однажды ему попался щенок ньюфаундленда, хозяин которого на вопрос о злобности засмеялся и ска-зал, что собаки этой породы закусать не могут, но могут зализать до смерти. От избытка любви к человеку.

Дворник готов был такого щенка купить, несмотря на его солидные размеры и на то, что кормить ньюфаундленда следует так же, как, наверное, человека, члена семьи. Но, когда Абдулло Нурович узнал цену, желание пропало сразу – свою полугодовую зарплату за щенка он выложить не мог. И не от жадности, а потому, что у него просто никогда не было в руках такой суммы сразу.

Но добрую собаку хотелось. Она смогла бы помочь ему не чувствовать свое одиночество.

Головная боль все нарастала. И Абдулло Нурович решил лечь спать раньше, чем обычно, в надежде, что сон его вылечит. Он даже постель начал стелить, не делая резких движений, чтобы не поднимать в голове шумовую волну, когда в дверь позвонили. Пришлось идти открыв-вать, недоумевая, кто это мог пожаловать. Хромой Валерка уже был, толстый Валерка звонил. Может быть, тот милиционер, что составлял протокол, решил заглянуть? Он же обещал...

Не спрашивая, кто пришел, Абдулло Нурович открыл дверь и удивился. Оказывается, пришел врач, который навещает его раз в месяц и в последний раз был несколько дней назад. Следовательно, его визита можно было бы, казалось, и не ждать.

– Вечер добрый, – сказал Михаил Михайлович. – Не ждали?

– Не ждал... – как всегда честно, сознался Абдулло Нурович.

Михаил Михайлович, в отличие от хромого Валерки, всегда ждал, когда его пригласят в дом, и вообще, был человеком вежливым и обходительным.

– Проходите... – посторонился Абдулло Нурович. – Я сегодня болею...

– Что с вами? – врач бочком, словно стесняясь своего позднего визита, перешагнул порог и аккуратно, без стука прикрыл за собой дверь.

– Голова болит...

– Я уже слышал, что с вами произошло, – сказал Михаил Михайлович.

– Откуда?

– Сотрудники телевизор смотрели... Должно быть, у вас после этого голова и разболе-лась. Вас не ударили?

– Нет... Они как-то все промахивались, а я нечаянно попадал...

– Руки не повредили?

– Я руками не бил, я только метлой...

Гость разулся около порога. Аккуратно поставил на коврик свои ботинки, с которых стекал растаявший грязный снег. Вместе прошли в комнату и устроились в тех же креслах перед телевизором, в которых хозяин еще недавно сидел с хромым Валеркой.

– Рассказывайте, что с вами произошло, – Михаил Михайлович положил на столик какую-то штуку, похожую на авторучку, и нажал сбоку кнопку. – Это диктофон. Здесь все запишется, а потом я перенесу запись в ваше личное дело... В диспансерную карту то есть...

Абдулло Нурович неуверенно улыбнулся и потер себе лоб, напоминая, что у него голова сильно болит, но не решаясь сказать это.

– Ах, да... Головная боль... – сразу все понял Михаил Михайлович. – Я вам дам таблетку кетонала. Это сильная таблетка, она обязательно поможет... Очень быстро, через минуту... Запейте водой... Можно и чаем...

Он раскрыл свой объемный портфель, покопался там, вытащил пузырек, из пузырька таблетку и протянул Солимову. Дворник не только с этим врачом общался. Однажды по причине сильнейшего гриппа вынужден был даже на «больничный» уйти и тогда вызывал врача из районной поликлиники. Приезжала женщина, равнодушная, хамоватая, торопливая. После этого случая вообще желания с врачами общаться не было. Михаил Михайлович – совсем другое дело. Вот если бы все врачи такими обходительными и заботливыми были...

Таблетка помогла даже не через минуту, а почти сразу. Солимов виновато улыбнулся, даже слегка неудобно себя чувствуя, словно не было у него никакой головной боли, а он только симулировал, чтобы разговора избежать.

– Что рассказывать?

– Что произошло.

Абдулло Нурович коротко и с прежним чувством вины обо всем рассказал.

– Это мы все уже знаем... – задумчиво произнес Михаил Михайлович. – Меня интересует, как так получилось, что вы сумели с ними справиться? Что вы в это время ощущали?

– Я не знаю... Я вообще не думал... Все как-то само собой получалось... Я только потом уже, дома, все обдумывал... И потому голова разболелась...

– Вот это вы напрасно, – мягко, но в то же время строго сказал Михаил Михайлович. – Мы же с вами договаривались, как только будут проблемы, сразу звоните, и мы постараемся вместе их разрешить... И к какому же выводу вы пришли?

Абдулло Нурович некоторое время в сомнениях молчал. Потом спросил:

– Вы верите в то, что человек много жизней живет?

– Это вы про реинкарнацию, что ли?

– Да, точно... Я забыл, как это называется. Реинкарнация, точно... Верите?

– К сожалению, я материалист. И верю только в то, что рукой потрогать могу. И при этом признаю право большей части человечества верить в это...

– Большая часть человечества верит? – переспросил Солимов.

– Да... Индусы, китайцы и прочие... Они составляют большую часть человечества. Каждый четвертый человек на земле – китаец, каждый седьмой – индус. А мы – все остальные и разные...

– Тогда это может быть правдой...

– Что может быть правдой?

– Может быть, я в прошлой жизни был спецназовцем?

Михаил Михайлович с трудом сдержал усмешку.

– Все может быть...

– Уж очень здорово я их бил. Это в окно какой-то отставной спецназовец наблюдал. Он и милицию вызвал. Он сразу сказал, что я служил в спецназе. А я вообще в армии не служил...

– Я же говорю, все может быть... И какие же выводы вы сделали?

– Что у меня все как-то само собой получалось. Я даже не думал ничего делать, а все делалось так, что получалось здорово. Лучше, чем в кино...

– Ну, ладно... Вам эти раздумья могут дорого обойтись... Сегодня вы легко отделались – только приступом головной боли, который удалось легко купировать одной таблеткой. В следующий раз таблетка может и не помочь, а боль может быть гораздо сильнее. Понимаете, о чем я говорю? Вы не должны задумываться о таких проблемах. А теперь давайте-ка проведем обычную процедуру... Снимайте рубашку... Ложитесь...

Домашняя лечебная процедура не несла в себе ничего неприятного, в отличие от всех других процедур, что приходилось переносить, когда он лежал в больнице. И потому Абдулло Нурович почти с удовольствием снял рубашку, обнажив свое крепкое жилистое тело, и лег на кровать. Михаил Михайлович снова раскрыл свой портфель, вытащил уже давно знакомый Солимову прибор, подключил к розетке и нащупал на предплечье дворника бугорок размером чуть меньше спичечного коробка. Потом протянул от прибора щуп с чашечкой на конце и прижал чашечку к бугорку.

– Спокойно дышите... И не шевелитесь... Спокойно, свободно, ровно дышите...

Абдулло Нурович любил дышать свободно и спокойно. Он сразу впадал от такого дыхания в какое-то расслабленное полусонное состояние и чувствовал себя безмятежно и беззаботно...

Дворник не ощущал, что засыпает по-настоящему. Ему казалось, что он находится только в полусне. Но Михаил Михайлович не отрывал взгляда от шкалы указателя и, когда стрелка достигла синей отметки, оторвал чашечку от руки, протер спиртом виски Абдулло Нуровича, приложил к ним два небольших серебряных контакта, связанных спиральным проводом с тем же прибором. Контакты легли на виски прочно и сразу прилипли. После этого врач трижды с небольшим интервалом разово нажимал красную кнопку на приборе. И каждый раз тело Абдулло Нуровича вздрагивало от удара электрического разряда. Закончив эту процедуру, Михаил Михайлович минут пять прогуливался по комнате, заложив руки за спину и время от времени выглядывая в окно. Потом посмотрел на часы, удовлетворенно хмыкнул и снова наложил чашечку щупа на бугорок на предплечье дворника. Прошло около минуты. Стрелка на шкале постепенно возвращалась на свое прежнее место.

– Ровно дышите... Ровно... Вот и хорошо... Вы теперь успокоились и не будете терзать себя ненужными вопросами... Все, вставайте...

Абдулло Нурович сначала сел, в таком положении надел рубашку, не застегивая, и только после этого встал, глядя на врача. Ему казалось, что он просто ровно и глубоко дышал несколько минут и больше ничего с ним не было.

– Может, какие-то просьбы есть? – поинтересовался врач. – Помощь в чем-то нужна...

– Не знаю... – замялся Абдулло Нурович. – У вас нет знакомых, кто может щенка нью-фаундленда достать? Купить у меня денег не хватит...

– Зачем вам щенок? – спросил Михаил Михайлович.

– Часто одиноко бывает. А с собакой как-то спокойно... Это добрая собака...

– Пожалуй, я смогу вам помочь... – недолго подумав, согласился врач. – Есть у меня такой знакомый... Принесу я вам щенка...

Глава 3

Два стандартных пролета бетонной лестницы вывели генерала Аладьяна в коридор второго этажа. Здание было построено так, что на второй этаж невозможно было попасть с первого. Туда войти можно было только через третий, но тоже лишь миновав верхний пост охраны, прежде чем попасть к своему посту охраны. Нормальные меры предосторожности, когда работаешь с людьми, имеющими модифицированную психику. Результаты некоторых опытов бывают непредсказуемыми, и ЧП случаются раз в пару лет.

Генералу, естественно, открыли бронированную дверь и пропустили его без проверки, но каждый прочий сотрудник должен был предъявить бесстрастному компьютеру идентификационную пластиковую карточку. Без идентификационной карточки в свой отсек не могли войти даже руководители отделов, секторов и блоков.

В не слишком просторном кабинете собрались девять сотрудников, непосредственно занимающихся последними разработками лаборатории. Все они были готовы ответить на вопросы начальника лаборатории и потому с собой принесли документацию. Впрочем, друг другу документацию не демонстрировали. Здесь такое не принято. Генерал окинул всех взглядом.

– А где подполковник Иванов? – поинтересовался он. – До сих пор не вернулся?

– Вернулся, товарищ генерал. Просил позвонить ему, когда вы придете. Он расшифровывает данные томографического сканера, чтобы сразу предоставить результаты. Наверное, уже заканчивает. Михал Михалыч предполагал, что вы захотите посмотреть...

– Позвоните, я хочу посмотреть...

Эдуард Осипович знал, что Михаил Михайлович Иванов, только что вернувшийся с задания, принесет ему не текстовую расшифровку, которую требуется писать несколько часов, а диаграмму, в которой он без посторонней помощи разобраться не сможет. Тем не менее необходимо показать сотрудникам, что руководитель вникает во все тонкости дела.

Эдуард Осипович занял свободное место за центральным столом, дождался, когда вызовут Иванова и в кабинете установится тишина, и поднял голову, посмотрев на всех через очки. Ему всегда нравилось, когда сотрудники отводят глаза под его взглядом. Отводят, значит, чувствуют силу. Сам он силу своего взгляда тоже знал и ценил. И считал, что сотрудники должны ценить ее тем более. Ценить и слегка трепетать...

– Можете начинать. Лучше в хронологическом порядке, потому что я мог что-то упустить.

Пауза длилась недолго.

– Если в хронологическом порядке, товарищ генерал, – сказал подполковник Михайлюк, – то начну я, поскольку вся хронология с меня начинается. С контрольного блока то есть... Итак, как вы уже знаете, сегодня группа скинхедов предприняла попытку нанести по меньшей мере телесные повреждения контролируемому нами объекту «Солимов». Мы такого развития событий не предполагали, и, согласно всем расчетам специалистов лаборатории, объект «Солимов» не мог оказать юнцам серьезного сопротивления. У него заблокированы в памяти все прежние боевые навыки. Однако где-то произошел сбой системы. Вероятно, подполковник Иванов, когда подойдет, доложит нам результаты сканирования. Но столкновение произошло, произошел сбой системы, и в результате этого наш объект, внешне беспомощный и безобидный человек, страдающий деменцией, вышел победителем в драке с пятью молодыми, крепкими, здоровыми и тренированными парнями и попал в милицию первоначально только в качестве потерпевшего. Потом ситуация слегка изменилась... Вернее, была попытка ситуацию изменить, но мы эту попытку пресекли. Хорошо, что начальник отделения милиции является нашим платным осведомителем и сразу поставил нас в известность...

– Почему? – спросил Аладьян.

– Не понял, товарищ генерал... Что вы спрашиваете?..

– По какой причине мы держим таких осведомителей? Это же не мальчик, не какой-нибудь капитанишка или старлей, который вопросов не задает и бездумно обрабатывает свой гонорар. А если этот... Кто он там, полковник?

– Полковник...

– А если этот полковник начнет вопросы задавать?..

– На территории обслуживания его отделения, товарищ генерал, проживают два наших объекта, а третий там работает. Живет рядом, а работает там. Этот третий как раз и есть объект «Солимов». Любой простой сотрудник отделения может не располагать всей полнотой информации в какой-то критической ситуации, а начальник отделения ею располагает. В некоторых местах мы вербуем простых участковых, но участковый в состоянии уследить за одним человеком, и только начальник отделения может уследить за всеми тремя. На мой взгляд, эта мера оправданна, и...

– Понятно, – перебил генерал. – А если у начальника отделения возникнут вопросы?

– Он вербует не нашей лабораторией, он вообще не знает, что такая лаборатория существует, а подразделением ФСБ. Вербует официально, с подписанием договора о сотрудничестве. В этом случае вопросы не возникают. Риск небольшой есть, но риск есть всегда. Отпуская объекты в обычную жизнь, мы уже рискуем, но без этого у нас не будет нужного результата... Держать объекты на казарменном положении мы не имеем, во-первых, возможности, во-вторых, это не оправдывает наших конечных целей. А если какой-то начальник отделения будет лезть не в свое дело, на него всегда найдется персональный объект, который проблему устранил...

– Понял. Вопрос снимаю. Докладывай дальше.

– Наш начальник отделения оказался человеком понимающим и предпочитающим самостоятельно не разрешать конфликтов, суть которых ему не понятна и которые вообще выходят за пределы его компетенции. Поэтому, когда оказалось, что отец одного из задержанных скинхедов является крупным и влиятельным чиновником мэрии и человек этот приехал разбираться, всем угрожая и обещая уничтожить объект «Солимов», начальник отделения возражать ему не стал и даже пообещал поддержку, но сам сразу сообщил нам. Дальше все понятно. Я сообщил вам, вы приняли известное решение...

Дверь с легким «пением» открылась. Бочком, виновато улыбаясь, вошел подполковник Иванов. У Михаила Михайловича, многократно замечал Эдуард Осипович, вообще была привычка входить в любую дверь обязательно бочком, словно бы с легким поклоном. Должно быть, это казалось подполковнику вежливым.

– Разрешите, товарищ генерал? Прошу прощения за опоздание. Я расшифровывал результаты томографического сканирования объекта. – Михаил Михайлович показал листок, что держал в руке, как доказательство того, что он не кофе в буфете пил.

– Давай... – Эдуард Осипович протянул руку.

Конечно, это были только распечатки диаграмм, но генерал с минуту внимательно рассматривал их, отодвинув подальше от лица – даже очки плохо спасали от возрастной дальнорукости, и протянул листок подполковнику. Потом замахал артистично рукой, требуя вернуть листок, еще минуту рассматривал, показывая всем, что он чем-то в диаграммах озабочен, потом вторично отдал. Иванов казался довольным.

– После доклада ко мне зайдешь. Обсудим... Михайлюк, продолжай...

– У меня, товарищ генерал, все. После полученного сообщения и вашего приказа в дело вступили коллеги...

Михайлюк посмотрел через плечо на единственного сидящего здесь человека, который был не в белом халате, приличествующем научно-исследовательской лаборатории, а в каму-

флированной форме. Майор Евстифеев, руководитель силового блока, встал. В отличие от других сотрудников, у Евстифеева сохранились военная выправка и армейские привычки.

– Мне было выделено три человека...

– Три объекта... – поправил Аладьян.

– Извините, товарищ генерал, три объекта... Предварительно, под прикрытием документов головного управления антитеррора «Альфа», была проведена работа с охраной дома. Договорились быстро. В приказной форме. Потом, если их прижмут, пусть разбираются... Они, скорее всего, «расколются», но нас там уже давно нет...

– Слишком грубо, – сказал Эдуард Осипович. – Следовало просто привлечь технический блок. Им тоже необходимы испытательные моменты в реальной обстановке.

– Я пытался, товарищ генерал. Они затребовали шесть часов на подготовку, а Соловьев имел возможность отдать приказ по телефону, и тогда мы рисковали потерять объект «Солимов».

– Лопухин! – позвал Аладьян.

Полковник Лопухин, руководитель технического блока, встал, чтобы объяснить.

– В том районе, товарищ генерал, нет возможности установить оборудование. Вдоль улиц с двух сторон тянутся только высокие кирпичные стены. Ни одного куста, в котором можно спрятаться, ни одного дерева, на которое можно забраться. Даже переносной генератор в той обстановке слишком заметен, чтобы обрабатывать им охрану в открытую. Я предполагал возможность ночью попытаться отработать по охране с недалекой вышки сотовой связи. Днем и даже вечером это было слишком рискованно. Люди, поднимающие оборудование на вышку, будут заметны.

– Ладно, потом и это обсудим... – Генерал сделал пометку в своем блокноте. – Продолжай, Евстифеев, что ты там еще натворил...

Майор пожал плечами, не понимая, одобряет генерал его действия или критикует.

– Мне было выделено три объекта, срочно запрограммированных на ситуацию. Все трое из заключенных и потому спецы не слишком высокого полета. Впрочем, они отработали по полной программе, абсолютно грамотно и без ошибок, и я сам вывез их с места работы. Проверки не требовалось. Там придраться не к чему. Следов не оставлено. Разве что стреляные гильзы... Охранник у ворот тревогу поднял тогда, когда ему было приказано это сделать. Таким образом, считаю, что мы отработали успешно...

– Все успешно работают, – проворчал Эдуард Осипович. – Тогда откуда берутся провалы? Может, ты, Михал Михалыч, объяснишь? Как получилось, что объект «Солимов» сорвался и устроил там побоище прыщавых юнцов?

– Я могу только предполагать, товарищ генерал, – ответил подполковник Иванов. – Очевидно, сбой имел конкретную внешнюю причину. И вспышка старых навыков произошла на уровне инстинкта самосохранения.

– Это как?

– Я аналогию проведу... Когда человек, задумавшись и не заметив препятствия, спотыкается и падает головой на камни, он выставляет вперед руки, чтобы сохранить голову, и не думает о том, что будет с руками. На этом же приблизительно уровне, думаю, действовал и объект «Солимов». Его подсознание включило заблокированные участки мозга, что впоследствии привело к мощному приступу головной боли.

– А мы в этом не споткнулись? – спросил генерал сердито.

– Это единичный случай, товарищ генерал, когда блокировка не сработала. Возможны какие-то индивидуальные психические факторы, – возразил Иванов. – Современная наука просто не может все знать о мозге. Еще несколько тысячелетий понадобится, чтобы узнать больше, только тогда можно будет все предусмотреть...

– Мне почему-то кажется, что я столько не проживу, – пошутил Эдуард Осипович, показывая свое в общем-то положительное отношение к происшедшему.

– Ну что вы, товарищ генерал, вам еще жить да жить... – в свою очередь пошутил подполковник Михайлюк.

– По крайней мере, до утра, даст бог, доживу, – согласился Аладьян. – И потому утром прошу ко мне на доклад. Будут изменения или не будут... И ты, Михал Михалыч, распечатку после сканирования подготовь и принеси. Режим работы у нас сегодня круглосуточный... Объект «Солимов» взять под постоянный жесткий контроль с аппаратурой блокирования рефлексов. Мало ли что эта шпана надумает, а он опять дров наломает. Контролировать... Вплоть до того, что пост у его дома выставьте. Машину отправьте... Две машины... Там же двор, кажется, проходной... С одной и с другой стороны... Телефон обязательно на «прослушку»...

– Он и так, товарищ генерал, на постоянной «прослушке».

– И хорошо. Контролировать...

* * *

С одной стороны, какой сон может быть в таком нервном состоянии. С другой, Любовь Петровна чувствовала после всех нервных переживаний нынешнего вечера такую опустошенность и усталость, что с трудом добралась до кровати в своей комнате. Ноги отказывались ее слушаться. Она уже, кажется, засыпала, когда в комнату зашла Мариша.

– Что ты? – тихо спросила Любовь Петровна.

– Я Сереже позвоню...

– И что скажешь?

– Что есть, то и скажу...

– Зачем его еще нервировать. А если он на операции?

– Если он на операции, он трубку отключает. Он предупреждал... Может, и ничего не скажу...

– Как хочешь...

Старший лейтенант Сергей Марочкин был в командировке на Северном Кавказе. И это его уже третья командировка туда, из двух первых он возвращался не домой, а в госпиталь.

Любовь Петровна повернулась на бок и словно куда-то провалилась. Сон сменялся полусонными воспоминаниями, воспоминания кончались, и снова сон подступал, потом опять приходила полудрема, заполненная сценами из прошлой жизни. Прошлая жизнь – это когда муж был рядом, пусть даже и не совсем рядом, пусть даже где-то в командировке, где кругом опасности, где стреляют, взрывают и убивают, но он все равно был, он был официально жив, и эти воспоминания без возвращения в действительность являлись теплыми и спокойными.

Сквозь сон Любовь Петровна слышала, как дочь разговаривает с мужем, но разговор велся вполголоса, и слов разобрать было нельзя, да и сонное состояние мешало услышать, что они говорят. Да это было и не важно, когда Андрей снился живым и здоровым. Потом Мариша снова заглянула в комнату. Мать слышала, но не пошевелилась, опасаясь разогнать ощущения, которые после короткого сна остались, и дочь ушла. На рассвете Любовь Петровна проснулась. И увидела под дверью полоску тусклого света. Тихо встала и вышла в большую комнату. Мариша сидела в кресле, подбрав под себя ноги, и водила пальцем по строчкам в телефонном справочнике.

– На букву «С»? – с укором спросила Любовь Петровна.

– Солимов... – подтвердила дочь.

Синим светом горел экран телевизора. Значит, Мариша опять смотрела запись. Может быть, и не один раз. Первых трех раз ей не хватило. Так ведь можно и со своим собственным умом рассориться, если замыкаться на одной проблеме.

– Владимир Андреевич просил к нему не соваться... Это может быть для него опасным... Если это отец и если его кто-то использует...

– Я поняла, – тихо сказала Мариша. – Я хотела бы только голос услышать... Я даже говорить ничего не буду... Вот... Тот район... Только один Солимов... Только номер наберу, голос послушаю, и все... Слова не произнесу...

Она посмотрела на часы.

– Рано... – сказала Любовь Петровна.

– Рано... – согласилась дочь и вздохнула так, словно ей дышать было больно.

– Ты совсем не ложишься?

– Днем высплюсь. Андрейку в садик отведу и высплюсь.

– Еще пара часов до садика. Поспала бы... Я подниму...

– Я ложишься, не могу уснуть...

Характером дочь в отца пошла. Тот всегда хотел своего добиться и, как правило, добивался. Мариша тоже этого хочет. Да и Любовь Петровна хотела того же, но понимала при этом, как больно будет потом убедиться, что произошла ошибка. Так уже много раз бывало, и кажется, что не осталось сил снова эту же боль переносить.

Любовь Петровна ушла к себе в комнату, снова легла, но уснуть не могла. Она просто, почти без мыслей лежала с закрытыми глазами, может быть, даже дремала. И потеряла счет времени. Но, когда услышала короткий зуммер, издаваемый кнопками телефонного аппарата, сразу приподнялась. Да, дочь уже звонила.

После набора номера прошло уже довольно много времени. Наверное, ответили. Потом, несмотря на свое обещание, Мариша не выдержала и все же сказала только одну фразу:

– Папа... Это я, Мариша...

Мать вышла в комнату только после того, как дочь положила трубку.

– И что? – спросила.

– Это его голос... Интонации другие, но голос его...

Любовь Петровна села в кресло. Молчала, не зная, что сказать, потом спросила:

– Ты Сереже дозвонилась?

– Он как раз в вертолет садился. Его срочно отозвали в бригаду. Не знает, по какой причине. Передал взвод и вылетел. Обещал утром позвонить. Ты не уходи, если звонить будет... Я Андрейку отведу и обратно...

Мариша встала и посмотрела на часы. Андрейку пора поднимать и собирать. Но даже при том, что сборы ребенка дело долгое, они все равно придут сегодня первыми...

...Любовь Петровна проводила дочь с внуком, закрыла за ними дверь и осталась одна. Ей очень тяжело было находиться дома одной. Просто невыносимо тяжело. Она ждала, что позвонит Сережа или Владимир Андреевич, но звонков пока не было. Мариша все не возвращалась, хотя пора было бы ей и вернуться. Она же торопится, чтобы Сережа не позвонил без нее.

Ходить по квартире стало тяжело. Опять давали о себе знать больные ноги. Любовь Петровна села в кресло, глянула на часы. Даже если Мариша в магазин зашла, все равно должна была бы вернуться. Неужели что-то случилось?

Взгляд нечаянно упал на оставшийся открытым телефонный справочник. Строчка с фамилией Солимов была подчеркнута карандашом. Любовь Петровна глянула, прочитала название улицы, номер дома. И хотя номера квартиры там не было, она поняла, что Мариша придет не скоро...

Она прошла в комнату дочери и увидела на столе сотовый телефон. Дочь вообще сотовым телефоном пользоваться почему-то не любила. Говорила, что не слышит, когда трубка звонит в сумочке или в кармане. И не всегда брала ее с собой. Не взяла и сейчас. Значит, позвонить ей невозможно.

В первый момент Любовь Петровну даже паника охватила, но она тут же поняла, что ей самой нужно делать. И уже по памяти, не заглядывая на последние страницы справочника, набрала номер.

– Владимир Андреевич, у нас, похоже, беда...

* * *

Эдуард Осипович сам не понимал, почему он так не хочет звонить этому человеку из американского посольства. В принципе их ничего не связывало. Уже ничего не связывало. То, что связывало раньше, теперь следует забыть, потому что генерал-майор Аладьян теперь приказы принимает от совсем других людей, имеющих собственное мировоззрение на отношения между США и Россией. Можно будет так и сказать, если при встрече последует нажим, – обращайтесь, мол, к моему непосредственному руководству, то есть к директору ФСБ или даже напрямую к президенту. Можно даже к премьер-министру обратиться... Ведь двадцать лет назад вопросы обмена информацией решались именно на таком уровне. И сейчас ничего не изменилось. А «Блудный сын Будды» не побоялся звонить с телефона посольства на служебный телефон лаборатории. Значит, он считает, что занимается не шпионской деятельностью, и ищет официальные пути для общения.

Встречаться все равно, видимо, придется. Хотя бы для того, чтобы не выглядеть хамом. Может быть, и что-то другое интересное высветится. Но не хотелось звонить ночью, когда устал и глаза слипаются.

Впрочем, генерал ложиться спать пока не собирался. Хотя рядом с его кабинетом и была небольшая комната отдыха, где вполне можно было бы выспаться со всеми удобствами. Но подполковник Иванов должен в течение пары часов принести распечатку сканирования и объяснить, что произошло с объектом «Солимов». Пока будут знакомиться, уже сделают все результаты обследования тех трех объектов, что задействовал майор Евстифеев. Их тоже следует посмотреть, чтобы сравнить. Сравнить, конечно, будет подполковник Иванов. Но он умеет все пересказать доступным языком. Недаром они вместе с генералом работают уже больше двух десятков лет. Начинали, когда Михаил Михайлович капитаном был, а сам Аладьян полковником. Но должности в лаборатории такие, что не обещают быстрого получения званий. А генеральская должность вообще единственная, и Эдуард Осипович никому уступать ее не собирается. Это армейских генералов с возрастом стали гнать на пенсию. А генералов из научных кругов пока не трогают. Зря, что ли, Аладьян столько сил потратил, чтобы защитить диссертации и стать профессором...

Дождаясь прихода подполковника Иванова, генерал несколько раз брался за трубку телефонного аппарата, но так и не стал звонить «Блудному сыну Будды». Все-таки ночь... Даже если ждет, все равно лучше позвонить утром. Или даже днем, когда у самого голова уже станет ясной.

Пока стоило покормить кота...

Эдуард Осипович взял пакет с сухим кормом, открыл дверь, чтобы шуршание пакета было слышно по всему этажу. Кот примчался моментально. Он вообще был отзывчивым животным и сразу являлся на шуршащие звуки упаковки, даже если есть не хотел. Но корм нюхал обязательно. Понюхал и в этот раз, но от еды отказался. Пришлось раскрошить ему в миску еще одну таблетку валерьянки. После этого сухой корм захрустел у пушистого животного на зубах.

Наблюдая, как кот после еды с такой приятной для его вкуса приправой начинает по-пьяному валяться по полу, генерал достал из сейфа все материалы проекта «Рецессивный фантом» и стал перелистывать. Приближалось время контрольных испытаний, после которых следовало проводить доклад по результатам деятельности. А результат обещал быть впечатляющим. Даже

для масштабов страны в целом – весьма впечатляющим. Насколько Эдуард Осипович знал, ни одна аналогичная лаборатория мира так и не смогла пока добиться стабильного результата в этой области. Есть успехи в смежных областях, и успехи неплохие. Особенно прогрессивными выглядят опыты с инфразвуковыми пушками. Американцы испытывали эти пушки во время войны в Югославии, когда вселяли в целые небольшие подразделения сербов внешне необъяснимый панический ужас. Израиль уже длительное время не просто испытывает, а применяет такое оружие в борьбе с палестинскими террористами. Франция несколько лет назад только применением инфразвуковой пушки смогла вызвать у толп бунтующих выходцев из африканских стран как массовый понос, так и вернуть стране спокойствие. Такие же пушки, только не собственные, а опять американские, опробованные уже в Югославии, применял президент Грузии для разгона митингов оппозиции. Есть много примеров. Но ни одна лаборатория ни одной страны не смогла продвинуться вперед в вопросе полного перерождения людей. А это дело великое. Сам генерал Аладьян видел, например, такой вариант, при котором отпетые преступники, приговоренные даже к пожизненным срокам заключения, могут после определенной непродолжительной обработки стать высококлассными бесстрашными бойцами, способными заменить самых опытных спецназовцев. А спецназовцев противника можно превратить в вялых и апатичных, даже робких людей. Беда только в том, что пока не найден путь дистанционной передачи внушения. Но это вопрос времени, и здесь не обойтись без помощи смежников. Дистанционное воздействие в индивидуальном порядке проводить можно, и в лаборатории есть такой вид оружия. Но это оружие только вспомогательное, к тому же оно только индивидуального действия. Но даже то, во что превращаются опытные офицеры лучшего российского спецназа после непродолжительной обработки, не может не впечатлить, как не может не впечатлить превращение вчерашних уголовников в настоящих спецназовцев за несколько дней.

Генерал Аладьян хорошо знал, в какие суммы обходится государству подготовка квалифицированных бойцов спецназа. Применение нового метода таких вложений не требует. Будь его личное желание, генерал мог бы окружить себя самым боеспособным подразделением и даже захватить власть в любом из государств бывшего Советского Союза. Только одним применением своего метода. И это можно было бы сделать уже сейчас, когда испытания не закончены...

Конечно, кто-то предъявит генералу обвинения в несанкционированных действиях. Конечно, в своем докладе он не будет афишировать расстрел чиновника мэрии. Но хватит даже того, что он захватил восьмерых офицеров спецназа ГРУ и ставит над ними опыты. Впрочем, для пушек эффективности Эдуард Осипович готов даже этих офицеров вернуть к нормальной жизни, и, более того, вернуть в строй более боеспособными, чем они были. Но превращение боевых офицеров в безобидных людишек можно наглядно показать только таким образом. И он пошел на это умышленно, будучи уверен, что победителей не судят. Слишком велик будет эффект от его разработок, чтобы любые претензии получили ход...

...Михаил Михайлович Иванов постучал, открыл дверь и протиснулся в нее, как всегда, бочком и, как всегда, с доброй улыбкой.

– Я закончил, товарищ генерал. Докладить результаты?

– Докладывай, только постарайся уложиться в понятное и короткое сообщение. Есть что-то серьезное?

– Есть маленький индивидуальный штрих, который портит общую картину.

– Рассказывай...

– Наш проект называется «Рецессивный фантом». Так вот, точно сказать я пока не могу, для точного результата нужны длительные наблюдения. Но пока, как я понимаю, у объекта «Солимов» срабатывают собственные рецессивные программы организма. Видимо, отдельные участки мозга не воспринимают блокировку, как постоянную константу, и при наличии особых

условий мозг выбрасывает рецессивный импульс. Я сравнивал с результатами исследований других объектов. Это наблюдается только у объекта «Солимов», хотя мы имеем полное право предположить, что другие объекты просто не попадали в условия, когда может сработать их рецессия. Одновременно с равным правом мы можем допустить, что у объекта «Солимов» существуют индивидуальные подстройки мозга, которые нам не известны, и мы, следовательно, не смогли их учесть.

– Какие подстройки? – не понял Аладьян.

– У него, насколько мне известно, было две контузии, одна из них тяжелая, с прострелом в лобовую кость, трещиной лобовой кости и растечением части мозговой жидкости. Это могло как-то перестроить мозг, а мы рассматриваем объект «Солимов» по общей схеме. И в результате сталкиваемся в непонятными нам вещами.

– И как это можно проверить? – спросил генерал.

– Только вскрыв мозг... – очень добродушно, почти наивно улыбнулся подполковник.

– М-м-м... – промычал Эдуард Осипович. – Над этим следует хорошенько подумать...

* * *

Телефонный звонок раздался как раз тогда, когда Абдулло Нурович заваривал чай.

Он всегда вставал рано, потому что торопиться не любил. Знал, что некоторые люди желают понежиться в постели, но сам никогда к такому склонности не имел. Если проснулся, чего лежать. Можно и зарядку сделать. В отличие от большинства людей, Абдулло Нурович каждое утро делал интенсивную зарядку. Даже когда в больнице лежал, чем сильно озадачивал и больных (некоторые из которых начинали ему подражать), и особенно медперсонал, который видел в этом значительное отклонение от норм нормального поведения и даже пытался с этим бороться методом назначения дополнительных уколов болезненного анабазина. Но самому Солимову зарядка доставляла удовольствие, и он ежедневно ее делал. И потому был, как сам считал, всегда бодр и всегда хорошо работал. По крайней мере, ему дважды давали грамоту, как лучшему дворнику, а однажды даже небольшую премию выписали. А жители его участка были довольны и часто самому Абдулло Нуровичу об этом говорили.

Чай заваривался... А Абдулло Нурович, оставив чайник на кухне, зашпешил к телефонному аппарату, обладающему звонком резким и неприятным, и потому всегда хотелось быстрее снять трубку.

– Слушаю вас... – сказал вежливо, не слишком беспокоясь по поводу такого раннего звонка. Ему не часто звонили, но звонили все, кому не лень и по любому пустяку. Соседи любили использовать дворника, если нужно было что-то сделать – помощь бесплатная, что в нынешние времена редкость, так почему же не воспользоваться безотказностью доброго человека.

Но в этот раз молчали.

– Я вас слушаю, – повторил Солимов. – Говорите...

И опять на другом конце провода была тишина, но эта тишина была живая. Чувствовалось неровное дыхание, которое улавливала чуткая мембрана прижатой к губам трубки.

– Вы слышите меня? – теперь спросил уже сам Абдулло Нурович. – Говорите...

– Папа... Это я, Мариша...

– Вы, наверное...

Абдулло Нуровичу показалось, что он сказал о том, что кто-то там ошибся номером. Но он ничего не сказал. Он не узнал голос, но, несмотря на это, что-то в груди вдруг тонко-тонко, с едва заметной болью, защемило, завибрировало, и в ушах зазвучали какие-то едва уловимые колокольчики. Тоже тоненькие и словно отдаленные. И опять вернулось вчерашнее

беспокойство. Разница в том только состояла, что голова, как обещал Михаил Михайлович, не заболела. Но и вчера голова тоже заболела позже.

– Кто это? – спросил он совсем другим тоном, показавшим и его боль, и его удивление, и еще какие-то чувства и ощущения, возникшие во внутреннем мире дворника, но в ответ услышал уже только короткие гудки. Трубку положили...

Пожав плечами, Абдулло Нурович тоже положил трубку и неторопливо пошел в кухню, откуда принес на столик чайник и чашку. Утром он никогда не включал телевизор и наслаждался чаем в тишине и покое. Постепенно улеглось беспокойство в груди, а когда первый чайник закончился, перестали позванивать в ушах и колокольчики.

Однако, когда настаивался второй чайник, вдруг всплыл в памяти голос. И теперь уже этот голос показался другим. Нет, он не стал узнаваемым, просто нес боль и теплоту...

– Любушка... – вслух проговорил Абдулло Нурович.

И вдруг спохватился. Нет, прозвучало совсем иное имя... Мариша... Откуда же тогда взялось в памяти это? Кто такая Любушка? Он пытался вспомнить, кого и когда называл так, и вспомнить не смог. Была в больнице санитарка Любовь Ивановна, что приносила из дома маргарин, чтобы мазать больным на хлеб, а домой уносила сливочное масло, которое больным привозили из столовой. Но это явно не она. Была еще молодая и злая Любка в бухгалтерии, где приходилось получать зарплату. Она всегда ошибалась в расчетах, и люди с ней ругались. Не ругался только один Солимов, но она и на него злая была. Но это тоже не она... А Любушка и Мариша вдруг встали в один ряд и стали равнозначными. Абдулло Нурович повторил два имени, и от этих имен, ничего для него, казалось бы, не значащих, повеяло теплом и тонкой-тонкой, не угнетающей, какой-то светлой тоской.

А он повторял и повторял эти два имени снова и снова, снова и снова. И это нравилось ему. Он пил чай, не чувствуя, что пьет, не наслаждаясь вкусом, как всегда наслаждался, но между глотками слушая звучание имен, и в этом была крупинка счастья, в другое время недоступная для него. Оказывается, для счастья нужно совсем немного. Для счастья следует только два имени несколько раз повторить, и все уже видится хорошим и добрым, и мир уже живет без злых мыслей, и хочется улыбнуться каждому встречному, что угрюмо смотрит на твою метлу. Все просто...

Чай кончился, и Абдулло Нурович снова включил газ, чтобы подогреть чайник, когда раздался новый звонок. Это был звонок в дверь, но Солимову так хотелось, чтобы снова позвонили по телефону, что он сначала мимо двери к телефону бросился, но вовремя сообразил и вернулся.

Оказалось, это опять пришел Михаил Михайлович. Довольный, улыбающийся.

– Утро доброе!

– Здравствуйте, – Солимов в удивлении отступил от двери на шаг.

– Как наше самочувствие?

– На работу собираюсь.

– Голова не болит?

– Спасибо. Я с утра всегда здоров. Зарядку сделаю – и здоров.

Михаил Михайлович вошел бочком, но только через порог переступил и не стал разуваться и в комнату проходить. И даже дверь за собой на замок, как обычно, не закрыл, а только слегка притворил и плечом подпер.

– А я к вам с радостной вестью... Договорился я относительно щенка для вас. Как и просили, ньюфаундленд... Даже с хорошей родословной. Но вас родословная, наверное, мало волнует?

– Мне все равно. Лишь бы добрым был и попусту не лаял...

– Такой и будет. Только придется подождать. Щенков отдают пятидесяти двух дней от рождения. Когда он у матери пройдет курс собачьей социализации.

– Это что такое? – Абдулло Нурович всегда боялся слов типа «социализм» или «капитализм» и слегка обеспокоился.

– Я сам только сегодня утром услышал. Это время, когда мать обучает щенка общаться в стае других собак. Чтобы потом не боялся и не бегал ни за собаками, ни от собак. Значит, через десять дней щенок будет у вас...

– Спасибо... – заулыбался Солимов. – А сколько я за это должен?

– Это – подарок...

– Спасибо...

Надо же, сколько счастья подвалило в одно утро! Не ждал, не гадал, а тут сразу...

– У вас все нормально? Милиция вас после вчерашнего не доставала? – вроде бы между делом поинтересовался Михаил Михайлович.

– Нет. Они сказали, если понадобится, то дома найдут.

– И не звонили?

– Нет...

– И никто не звонил? – глаза врача смотрели внимательно и почему-то с недоверием. Впрочем, это могло Абдулло Нуровичу и показаться.

– Нет... Утром только... Девушка какая-то... Номером ошиблась...

– Ну, ладно... – стал прощаться гость. – Значит, ждите щенка. Имя придумайте...

– А кто будет, мальчик или девочка?

– Я точно еще не знаю... – Михаил Михайлович слегка растерялся. – Я узнаю и вечером или заеду, или позвоню... Может, даже днем, если рядом окажусь... Вы на своем участке будете?

– На участке... Хорошо... – У Абдулло Нуровича просто сияло лицо, и он слегка волновался.

– Ладно. Если что, я созвонюсь, и можем даже съездить посмотреть щенков прямо у матери. Чтобы выбрать того, кто понравится. Обычно выбирают самого подвижного. Или того, кто первым подойдет. Хотите?

– Хочу...

– Тогда я позвоню и узнаю...

Закрыв дверь за Михаилом Михайловичем, Солимов поспешил на кухню, где уже кипел большой чайник. Настроение и от повторения двух женских имен, и от известий о скором появлении в доме щенка приподнялось – оттого и чай в этот раз показался особенно вкусным. Единственно, что слегка портило настроение, это собственная недогадливость. Надо было бы спросить у врача, не знает ли он, кто такие Любушка и Мариша. Михаил Михайлович деменцией не страдает, и память у него хорошая. И вообще он о своем подопечном всегда знает больше, чем сам подопечный знает о себе. Может, подсказал бы...

Но это можно будет спросить и вечером, когда Михаил Михайлович приедет, как и обещал. Или днем, если он заедет на участок уборки...

Собирался Абдулло Нурович недолго, хотя тоже не спешил. У него была привычка одеваться аккуратно и тщательно, чтобы все было заправлено, чтобы ничего не мешало потом работе. И даже при всей своей неторопливости Солимов успевал собраться быстро. И взял под вешалкой скребок для чистки тротуара. Обычно инструмент дворник держит в камерке в подвале одного из подъездов. Но скребок, из которого вылетела одна заклепка, требовалось отремонтировать. Он отремонтировал и заново отточил орудие своего труда до такой степени, что им можно было тоненькими ломтиками колбасу резать. Сегодня по погоде скребок мог понадобиться...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.